

Лиана Мусатова

*На Пришибских
высотах алая роса*

Лиана Мусатова

На Пришибских высотах алая роса

«Атанор»

2017

Мусатова Л.

На Пришибских высотах алая роса / Л. Мусатова — «Атанор»,
2017

ISBN 978-5-9909935-3-2

Эта книга о достойных дочерях своего великого народа, о женщинах-солдатах, не вернувшихся с полей сражений, не дождавшихся долгожданной победы, о которой так мечтали, и в которую так верили. Судьбою им уготовано было пройти через испытания, столкнувшись с несправедливостью, тяготами войны, проявить мужество и стойкость. Волею обстоятельств они попадают в неоднозначные ситуации и очистить от грязи свое доброе и светлое имя могут только ценою своей жизни.

ISBN 978-5-9909935-3-2

© Мусатова Л., 2017

© Атанор, 2017

Содержание

Бунт памяти (вместо предисловия)	8
Четная страница	12
Нечетная страница	13
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лиана Мусатова

На Пришибских высотах алая роса

*Они шли в бой, как в Вечность,
Забыв про горечь обид.
Земля им шагала навстречу,
Сжимаемая в объятьях своих...*

Ольга Шатохина.

«Ой, вы косы...» автор картины В.В.Никитин

Памятник на захоронении останков воинов-женщин в селе Чапаевка Токмакского района на военно-братском мемориале.

Бунт памяти (вместо предисловия)

Вопреки самым пессимистическим прогнозам некоторых литературоведов относительно того, что военная тематика давно исчерпала себя, и что в начале XXI века она уже не будет представлять никакого интереса ни для одного из читательских поколений, – на книжных полках, Пегас тому свидетель, появляются произведения все новых и новых писателей-баталистов. Тех писателей, которые не просто отдают некую творческую дань Великой Отечественной, но и настойчиво, с документальной вдумчивостью, разрабатывают пласты «глубинного залегания» этой, во всех отношениях странной, все еще далеко не изученной, а во многих аспектах своих – и не до конца осмысленной, войны.

И среди этих литературных имен, уверен, не затеряется теперь уже и имя писательницы Лианы Мусатовой.

Свое творческое видение, свое душевное «прочувствование» войны, Лиана стала воспроизводить еще в первых поэтических сборниках «На алтаре жизни», «Уроки времени», «Строгое лицо войны», «Многозначная однозначность»...

Но, всего лишь в отдельных стихотворных произведениях задекларированная, тема войны воспринималась в этих изданиях, то ли в качестве обычного тематического вкрапления в поток современной женственной лирики; то ли в качестве творческого проявления гражданственности; да еще – дани общественному мнению и коллективной народной памяти. В том числе, и памяти, возрождавшейся из семейных альбомов рода Мусатовых, по судьбе которого война тоже прошла кроваво и жестоко.

Понятно, что Лиана, – чье детство было истерзано войной и невысказанными, физически и душевно израненными послевоенными годами, – не могла, не имела права умолчать в своих стихах о виденном и пережитом; причем пережитом не столько лично ею, и не только родными и близкими, но и всем ее многострадальным поколением. Это было бы нечестно и несправедливо, уже не только по критериям обыденной человечности, но и по самым высоким критериям очеловеченного искусства. Ибо, как писала она в своей поэзии «Строгое лицо войны»...

Уходят поколения – свидетели войны,
Свидетели последние... война тревожит сны,
Желтеет похоронками, что в старом сундучке
С потершимися кромками... словами на клочке...

Может быть, именно такое понимание своего творческого долга перед военными поколениями, да еще – то, что в довоенные годы сложные житейские обстоятельства сблизили многодетную семью Мусатовых со столь же многодетной семьей Поповых, воспитавшей прославленную фронтовую летчицу, Героя Советского Союза Надежду Попову, – и подвигло в свое время поэтессу Лиану Мусатову засесть за роман-хронику «Я, Надя Попова, из Донбасса», увидевшем свет в 2010 году в Донецке.

Конечно, жесткий документальный материал романа, который еще могла видеть сама героиня, диктовал свои условия, определял сюжет, манеру и стилистику произведения, в рамках которых Мусатовой непросто было развернуться и с лирическими отступлениями, и с философским проникновением в суть образов и коллизий. К тому же сама личность Поповой, со множеством ее званий, наград и общественных должностей, почиталась, причем вполне справедливо, почти на культовом уровне.

Тем не менее, в пределах жанра, роман удался; он нашел своего читателя, а главное, подарил новоявленному прозаику то, что мы, романисты, привыкли именовать «романным

мышлением» – с его выстраиванием сложных сюжетных линий и событийных хитросплетений; с формированием микро- и макрообразов, подтекстов и характеров...

А вот с последующим документальным романом «Реабилитирован посмертно» все выглядело намного сложнее. Здесь уже нужно было не столько романтически превозносить и восхищаться своим героем, сколько поражаться тем обстоятельствам, которые определяли судьбу старшего политрука Александра Шведова. То есть, человека, который сначала, еще до нападения немцев, как сотрудник НКВД, в должности военного комиссара батальона особого назначения, наводил образцовый коммунистический порядок в Западной Украине; затем, по заданию НКВД, честно и преданно налаживал работу подпольной организации в тылу немцев, а после возвращения к своим, попал в подвалы НКВД, прошел через все пытки и издевательства, и в августе 1944-го был расстрелян по приговору военного трибунала. Реабилитировали же его, как и сотни тысяч других репрессированных коммунистами, только в 1973 году, посмертно, естественно...

И вот здесь уже, вместе с героем своего документально насыщенного романа, писательнице пришлось иметь дело с такими фактами и явлениями, которые заставляли задумываться над сущностью того, что происходило на территориях, занятых и советскими войсками, и войсками фашистскими. Раскрывая процессы, происходившие в западных районах Белоруссии и Украины, у писательницы, например, хватило мужества документально признать, что после ввода туда советских войск...

«...Имели место безрассудные расстрелы пленных и раненных. Все это еще носилось в воздухе. Местные жители обсуждали военные парады, прошедшие в Бресте, Гродно и других городах, после падения Польши. В парадном марше прошли германские войска под звуки торжественной музыки советского оркестра. Советские солдаты и офицеры стояли вдоль шоссе и наблюдали за их парадным шествием. (И не только наблюдали, добавлю: в Бресте красноармейцы провели совместный парад с германскими войсками).

Местные жители всех советских называли «оккупантами». Из уст в уста передавали акты террора и самоуправства, случаи грабежей и мародерства со стороны военных. Таким образом, посланцы страны Советов искореняли «буржуазный дух и капиталистические пережитки прошлого». В соответствии с этой директивой, многих жителей депортировали, а имущество конфисковали. Под «раскулачивание» попала почти треть населения. Приобщенная территория гудела, как растревоженный улей. В этот улей и приехал он с семьей. Для местных жителей они оказались оккупантами, а к оккупантам они были безжалостны».

Но лишь когда сам Шведов, который участвовал в раскулачивании и депортации коммунистами трети населения Западной Украины, несмотря на свою преданность советской власти, тоже оказался в застенках НКВД, – только тогда он понял причину этой «безжалостности». Как и причину того, почему сотни тысяч бывших советских граждан уходили в ряды 15-го Русского кавалерийского корпуса СС, памятник которому, с поименным указанием генералитета, был воздвигнут недавно у храма Всех Святых в Москве; в Русскую освободительную Армию Власова; в Русскую Народную Армию. Каминского, в украинские, белорусские, прибалтийские, туркестанские, кавказские и прочие национальные формирования.

В свое время я уже говорил, – и по этому поводу меня много раз цитировали СМИ, – что «ни понимать, ни оценивать процессы, происходившие в годы Великой Отечественной, невозможно, не осознав, что для Советского Союза – это была еще и жесточайшая... гражданская война». Так вот, не ссылаясь на это высказывание, Лиана Мусатова, по существу, подтверждает его щедро используемыми в своих произведениях документами, событиями; и, конечно же, судьбами самих героев.

Только имея опыт работы с подобными документами и фактами, писательница решилась подступить к своему новому произведению – роману «На Пришибских высотах алая роса». Тема, которую она избрала, изначально обречена на читательский интерес, ведь речь

идет о штрафном батальоне. Знаю-знаю, о штрафниках-красноармейцах уже немало написано и отснято киноплёнки. Но в данном-то случае речь идет о... женском штрафбате! И тоже на документальной основе.

К чести писательницы, свое пристальное внимание она сосредоточила не столько на короткой, в пределах одного боя, жизни этого подразделения смертников, сколько на том, как именно главные героини ее произведения оказались сначала под трибуналом, а затем в штрафбате; через какие круги ада им пришлось пройти. Наиболее примечательна в этом смысле судьба находчивой, вполне удачливой разведчицы Таисии Табаченко.

Оставленная на территории противника, с целью внедрения в штат обслуживающего персонала лагеря военнопленных, вплоть до статуса любовницы его начальника, она в считанные минуты оказалась избалованной первым же сотрудником лагеря, который взял в руки ее советский паспорт. Почему так произошло? Да потому, что идиоты или предатели, которые готовили ее к заданию, вручили девушке совершенно новенький, «непотертый», неизмызганный паспорт, хотя, исходя из даты выдачи, он уже должен был служить ей несколько лет, а значит, пройти через десятки рук.

Популярно объяснив девушке, что ее «сдали» гестапо в русской разведке, отправив сюда на верную гибель, немецкий офицер, пожалел ее, вернул документ и посоветовал появиться с ним через какое-то время, но уже – с истрепанным, способным пройти проверку у высшего начальства, в полиции и гестапо.

И Таисию с пристрастием проверяли, но свои... и потом. А тогда, внедрившись, она с помощью связника и радиста, постоянно сообщала в Центр все те сведения, которые от нее требовались. И, все-таки, заподозрив ее в предательстве и измене Родине, ей приказали прибыть на советскую сторону. Она чудом прорвалась через линию фронта и попала в руки советской контрразведки, где ее в течение многих дней допрашивали и пытали; где, не веря ни одному ее слову, над ней садистки издевались...

Выводы, к которым пришла эта украинская, до мозга костей советская, девушка – разведчица, чудом дотянув до трибунала, на котором ее приговорили к расстрелу, – были страшны своим запоздалым кошмарным прозрением: «Я боялась немцев, а оказалось, надо было бояться русских! Немцы со мной обращались лучше, чем русские! Получается, что нет разницы между немцами и русскими, между фашистами и советскими!» Она в самом деле вдруг открыла для себя, что методы допросов и издевательств над личностью у оголтелых фашистов и убежденных коммунистов – одни и те же.

Что же касается национальной принадлежности девушек — смертников, то следователи напоминали о ней циничными словесными плевками в лицо: «Падло хохляцкое! Комсомолка вшивая, с хохляцким гонором!»

Приблизительно также складывалась и судьба храброй зенитчицы Сони Кирилюк; и бывшей летчицы Ады Бальзамовой, и многих-многих других «штрафниц», которым немедленный расстрел по приговору трибунала был милостиво заменен гибелью у немецкой оборонительной линии «Вотан».

Читатели старшего поколения помнят, как в 60-70-х годах, теперь уже прошлого столетия, в литературу пришла целая плеяда писателей, таких как Виктор Некрасов, с его романом «В окопах Сталинграда»; Василь Быков, с циклом фронтовых повестей, Анатолий Иванов, Павло Загребельный, Виктор Астафьев, Валентин Распутин... – которые, порой преодолевая жесточайшую цензуру и политическую травлю в советской прессе, утверждали свое право на «окопную правду» войны, на истинно солдатское ее видение и понимание.

Так вот, можно смело утверждать, что романом «На Пришибских высотах алая роса» Лиана Мусатова присоединяется к этой когорте, талантливо и мужественно утверждаясь в собственном творческом праве на историческую правду своей военной прозы.

*Богдан Сушинский,
Член Национального союза писателей Украины,
вице-президент Украинской ассоциации писателей;
член Международного союза писателей баталистов и маринистов.*

Четная страница

2006 г.

Константин Первых-Табаченко осторожно очищал от земли останки погребенных. Это тот блиндаж, о котором рассказывала баба Клава. Еще девочкой в далеком сорок третьем она помогала взрослым хоронить трупы погибших солдат. Их было так много, что не хватало траншей и воронок, и пришлось сносить в бывший немецкий блиндаж.

Всегда, когда рассказы жителей подтверждались находкой, военные археологи радовались – появлялись факты утешить нос скептикам и Фомам-неверующим, утверждающим, что местные жители все придумывают. Вот и сейчас, они радовались тому, что после долгих поисков, наконец-то обнаружили этот блиндаж.

Меж крошек земли, показалось что-то серое, похожее на металл. Костя еще осторожнее стал счищать землю, снимая слой за слоем, пока не освободил от земляного плена алюминиевую солдатскую ложку. И каково же было его удивление, когда он увидел на ней нацарапанное женское имя «Тася». Так звали его прабабушку. Дедушка вырос в детском доме. О своем отце ничего не знал, а о матери только то, что она воевала и погибла. И еще у него был угол пеленки, на котором химическим карандашом было выписано имя Тася. В день шестидцатилетия, когда ему в детском доме торжественно вручали паспорт, директор протянула кусочек светлой материи и сказала: «Это оставила тебе мама на память о себе. Чтобы тебе ни говорили о ней, помни – она была достойным человеком, – и, помолчав, почти шепотом добавила, – просто оказалась не в том месте не в то время и не в тот час». Точно такая же с завитушками буква «Т», стояла и на ложке. Дедушка неоднократно показывал сыну и внуку эту драгоценную тряпочку, на которой рукой его матери была оставлена весточка о себе. Семейная реликвия лежала в особом футляре в ящике буфета, где хранились все важные документы. Теперь Костя передаст и ложку, и дедушка, наконец-то, узнает, где могила его матери.

Нечетная страница

1.

1943 г.

Штурмовая группа направлялась в район, занятый противником. Вражеские позиции не просматривались за густым влажным пологом. Тучи опустились так низко, что казалось, касаются пилоток. Солдаты шли друг за другом в густом молоке тумана, окутавшего их, словно пледом, выдерживая дистанцию видимости: каждый последующий должен был видеть предыдущего. Ледяной северо-западный ветер забивал дыхание. Особенно он донимал здесь, на открытой местности. Вскоре они нырнули в траншею, спасающую их от неистовых порывов ветра, но только в том случае, если идти, пригнувшись, не высываясь над поверхностью земли. Избавившись от настырного ветра, немного отдышались, радовались тому, что, наконец-то, траншея обнаружилась. Именно, знание того, что она должна быть на их пути, и помогло им преодолеть самый трудный участок по открытому склону высоты. Эту траншею обнаружили разведчики, и, по словам командира, она и приведет их к дзоту. Незамеченная врагом, используя эффект внезапности, группа должна была овладеть этим немецким укреплением и удерживать до подхода батальона. Что такого существенного могут сделать они, почти еще девчонки, чтобы изменить ход сражения? Только закрыть еще одну брешь своими телами. Каждая понимала, что идет на верную смерть, и каждая надеялась выжить. Так было всегда, так есть и сейчас, и они не исключение. Огромная армия, рассеянная по склонам Пришибских высот обречена потерять почти весь свой личный состав. Падут одни, по их головам взойдут на высоту другие – этого требовал ход сражения. Необходимо взломать вражескую оборону и за это платили человеческими жизнями.

Сейчас они, тяжело дыша от трудной ходьбы, спрыгнув в спасительное углубление, вырытое вражескими солдатами и обустроенное по всем правилам возведения военных фортификаций, стены и пол которого были вымощены досками, пытались поудобнее сесть, протянуть ноги и отдохнуть до сигнальной ракеты. Никто не знал, сколько у них времени для отдыха: минута, две, десять или целый час. Константин напряженно всматривался в предрассветную темень. Он боялся пропустить ракету, не разглядеть ее в густом тумане. Ада тоже по привычке смотрела назад, туда, откуда они пришли и где в назначенное время будет подан сигнал, возвещающий о том, что им пора продолжать свой путь. Она привыкла ожидать ракету. Там, в авиаполку ее ожидали ежеминутно. Только взвилась в небо, вспыхнула и еще не успела погаснуть, а летчицы и штурманы уже подбегали к машинам. Бывало, что и бежать никуда не надо было, потому что ожидали ее, сидя в кабинах. Ракета – это всегда сигнал к бою, к новым испытаниям. И каждый раз думалось, куда позовет тебя сегодня, чем кончится этот вызов. Ответ приходил только после встречи с врагом, от которого никто не ждал пощады. Не ждала ее и Ада, но и врагу пощады не давала. Немало однополчанок погибло, не вернулось после взлета. А ведь некоторые были намного опытнее ее, а ей пока везло. Думая о тех, кто не вернулся из полетов, она представляла, что и ее, может быть, ждет такая же участь в каком-то квадрате неба над речкой или топким болотом, над городом или селом. Не один раз приходилось садиться на поврежденном самолете, и с парашютом прыгать, но ведь не падать в смертельном пике, не взрываться в воздухе и не гореть заживо. И так хотелось верить, что количество взлетов будет соответствовать количеству посадок. Так оно и вышло. Сколько раз поднимала ее ракета в пламенное небо, столько раз она возвращалась в полк, пусть даже не всегда во время, но, все-таки, возвращалась. Куда теперь позовет ее ракета? И чувствует ее душа, что будет она послед-

ней в ее жизни. Именно здесь, на этом участке обороны противника судьба определила им сражаться. А противник хорошо подготовился. Оборонительная линия «Вотан»¹ строилась в несколько поясов. Враг возлагал всю ответственность на своего бога и питал надежды на то, что он их защитит.

На советско-германском фронте после ожесточенных зимних боев весной сорок третьего года наступило относительное затишье. К началу апреля линия фронта переместилась далеко на запад. От Баренцева моря до Орла она проходила почти по прямой линии. В районе Курска – выступала резко на запад, образуя дугу, а потом спускалась до Таганрога. На Таманском полуострове и в районе Новороссийска немцы удерживали хорошо укрепленный плацдарм.

Но, несмотря на благоприятные прогнозы, нашим войскам надо было еще закрепиться на отвоеванных рубежах, подтянуть тылы, пополниться людьми и боевой техникой. Кроме того, требовали восстановления разрушенные коммуникации.

Учитывая все это, Ставка Верховного Главнокомандования решила временно приостановить наступательные операции и возобновить их летом. В разработку плана дальнейшего ведения войны были положены цели продолжения освобождения советской земли от немецко-фашистских захватчиков, возвращение территорий и избавление народа от фашистского ига, возвращение главных экономических районов. Чтобы все это осуществить, Красной армии необходимо нанести мощные удары по главным группировкам противника. Главный удар и первый определялся на юго-западном стратегическом направлении, а второй – на западном. Этими ударами предполагалось сокрушить вражескую оборону на огромном фронте, разгромив основные силы противника. На юго-западном направлении находилось наибольшее количество сил и средств с обеих сторон. Здесь сосредоточилось около одной трети людей, танков и артиллерии, более 45 % авиации действующей нашей армии. Вермахт имел свыше 50 % танковых и моторизованных дивизий. При примерном равенстве с противником в численности личного состава советская действующая армия превосходила его в боевой технике и вооружении. К лету она располагала достаточным количеством артиллерии, танков, самолетов, автоматического стрелкового оружия с улучшенными тактико-техническими характеристиками. Это стало возможным благодаря самоотверженному труду работников тыла и высокой мобильности промышленности. Мощь армии поднялась на новую, более высокую ступень, что обеспечило проведение широких наступательных операций летом и осенью сорок третьего года. Почти двукратное превосходство в боевой технике дало возможность Красной армии развернуть формирование новых частей и соединений и увеличить ударную силу и огневую мощь. Непрерывный рост технического оснащения Вооруженных сил способствовал успешному проведению операций.

Планирование и организация промышленного производства Германии также подчинялись выполнению стратегических задач на советско-германском фронте. Решение этих задач требовало большого количества бронетанковой и авиационной техники, артиллерийского и стрелкового вооружения. Это было возможным благодаря выкачиванию максимума сырья и рабочей силы из оккупированных стран, используя их сырьевые запасы и производственные потенциалы. Особое внимание Германия уделяла выпуску танков. Но, несмотря на значительный рост бронетанковой техники, вермахт испытывал в них недостаток. Немецкие войска несли огромные потери на советско-германском фронте. Восполнять их им удавалось с большим трудом.

Советское командование предусматривало после разгрома немецких войск на Курско-Орловской дуге, развернуть общее наступление на юго-западном и западном направлениях, чтобы нанести основательное поражение силам групп армий «Юг» и «Центр». Причем, основные усилия сосредотачивались против группы армий «Юг». Необходимо было сокрушить

¹ Вотан – древнегерманский бог войны и победы, покровитель погибших в бою героев, хозяин Валгаллы.

немецко-фашистскую оборону на огромном фронте от Великих Лук до Черного моря. В ходе этих наступательных операций предполагалось освободить важнейшие экономические районы Левобережной Украины, Донбасс и преодолеть важный стратегический рубеж – реку Днепр. Из двух существующих планов этих наступательных операций был выбран второй, предусматривающий главный удар в направлении Харькова, Полтавы, Киева. В этом случае фронт противника рассекался, что влекло за собой нарушение взаимодействия между важнейшими группировками. Это создавало угрозу флангам армий противника. Советские же войска занимали выгодное положение для последующего развития наступления.

Немецкое командование также определяло свои цели для войск на летний период. Об этом писалось в приказе № 5. ««Следует ожидать, – отмечалось в приказе, – что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их в наступлении в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг». На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать особенно прочную оборону...» В развитие этой общей установки были поставлены конкретные задачи каждой группе армий».²

Нацистское руководство рассматривало наступление на Востоке не только в военном, но и в политическом плане. Выступая в апреле в Харькове перед офицерами танкового корпуса СС, Гиммлер заявил: «Здесь, на Востоке решается судьба... Здесь русские должны быть истреблены как люди и как военная сила, и захлебнуться в своей собственной крови».³

Немецкое командование ставило далеко идущие цели. Но они не соответствовали возможности вермахта. Колоссальные потери, понесенные немецкой армией в ходе зимней кампании 1942-43 года, не давали возможность осуществить намеченные замыслы. Войска не были готовы к новому крупному наступлению. Исходя из этого, гитлеровское командование только в общей форме намечало свои дальнейшие действия, потому что они зависели от масштабов поражения Красной армии, от наличия у советского командования резервов и от состояния собственных войск. В поисках решений еще в ходе битвы под Курском немецкое командование отдало приказ приступить к строительству в глубоком тылу немецких войск оборонительного рубежа. Основой этого рубежа была определена река Днепр. Рубеж назывался Восточным валом и проходил восточнее Витебска, Невеля, Пскова, Чудского озера и Нарвы, с целью сохранить контроль над Финским заливом и не допустить выхода советского флота в Балтийское море. На юге он проходил по восточному побережью Крымского полуострова, реке Молочная, западному берегу среднего течения Днепра. Отдавая приказ о строительстве Восточного вала, командование сохраняло в тайне действительное положение на фронте. «Начальник тылового района группы армий «Юг» генерал Фридрици в инструктивных указаниях рекогносцировочной группе 19 августа отмечал: «Эта позиция, ее рекогносцировка и строительство ни в коей мере не связаны с нынешней боевой обстановкой. Я прошу вас, господа, подчеркнуть эту мысль дважды. Она не имеет ничего общего с возможными намерениями отвода войск и т. п. в оперативном плане. Она является лишь мерой, предпринимаемой для того, чтобы создать на Днепре сильную оперативную позицию».⁴

В середине сентября южному крылу Восточного вала дали новое кодовое название «Вотан», а северному – «Пантера». И, хотя Вотан был их покровителем и богом, но, «на Бога надейся, а сам не плошай», и они старались возвести неприступный бастион. В любой непри-

² История второй мировой войны 1939–1945. М.: Военное издательство, 1976, т. 7, с. 121.

³ В. Блейер и другие. Германия во второй мировой войне (1939–1945), с.257.

⁴ История второй мировой войны. М., Военное издательство, 1976 г, т.7, с. 192.

ступности есть слабые стороны, и советское командование их искало. Особая надежда возлагалась на разведку. Вот разведка и узнала, что к одному из дзотов можно добраться по ходам сообщения. Этот дзот особенно досаждал на их участке. Из-за его почти непрерывающегося огня, захлебывалась каждая атака, а склоны высоты были все усыпаны трупами. Продолжать атаковать не имело смысла, а не атаковать – пойти под трибунал. Надо что-то было делать, что-то предпринять неординарное, неожиданное не только для врага, но и для самих себя. В штабе ломали голову. Разведчики, уходящие в тыл оборонительного рубежа, не приносили ничего существенного, что могло бы повлиять на исход сражения. Из Москвы шли звонки за звонками с требованиями взять рубеж и с угрозами, что полетят головы. Насчет голов офицеры и так понимали, зная военную специфику воспитания и наказания. Понимали они и то, что каждый день бессмысленных атак приводит к неисчислимым жертвам. Скоро им придется по трупам солдат взбираться на эти высоты. Даже раненых не могли забрать, немецкие снайперы отстреливали санитарок. Только тот, кто еще как-то мог передвигаться, медленно и, поэтому незаметно для противника, сползал к окопам. Здесь уже его встречали и оказывали первую необходимую медицинскую помощь.

Высшее руководство относилось спокойно к потерям, считая, что сейчас в основном в атаку идут штрафные соединения, состоящие из заключенных, а это, как предполагали они, небольшая потеря для общества. Но, во-первых, не все в них были преступники из тюрем, а во-вторых, видеть все это, и просто предполагать на расстоянии было совсем не одно и то же. Наблюдать, как шеренга за шеренгой ложатся, скошенные пулями и снарядами, солдаты, было выше человеческих сил. Это было больше похоже на бойню, чем на войну.

Тася вспоминала вечера, когда они разговаривали о нацизме и фашизме, об истоках этих идеологий. Вильгельм тогда ей и Люсе объяснял, что у истоков фашистской идеологии стоял бог мифологической прарелигии, существовавшей еще до язычества, Вотан. И, вот они, можно сказать, у подножия пьедестала этого бога. Там, на высотах по всей длине возведен укрепрайон, имя, которому немцы дали «Вотан». Они очень надеялись, что Вотан поможет им задержать наступление русских, закрепиться, и приостановить свое отступление на запад. Еще не все так плохо. Еще половина Украины, вся Белоруссия и часть России под ними. Они не только на бога Вотана надеялись. Они еще надеялись и на фортификации, возведенные в несколько ярусов на местности с юга до севера страны. На этом участке фронта оборона была глубоко эшелонирована, а система огня хорошо организована. Передний край и позиции, расположенные в глубине, проходили по выгодным рубежам и участкам местности. Создавалось такое впечатление, что их бог Вотан заранее готовил эти яры и холмы, русла рек для своих почитателей. Мог ли он знать несколько веков назад, что германцы придут на этот рубеж, и здесь будет решаться последний раз их судьба? Наверное, мог. Ведь боги все знают. И немецкое командование воспользовалось этой помощью. Оборона в глубину проходила на три-пять километров. Здесь находилась пехота, усиленная танками и артиллерией. Кроме того, они отрыли траншеи общей длиной от двухсот до тысячи метров, прерывая их в нескольких местах. Множество одиночных и групповых окопов связывались по фронту и в глубину. Высоты, курганы, земляные насыпи, овраги, балки, кюветы, полотно железных дорог противник приспособил к обороне. Было вырыто несколько противотанковых рвов. Перед передним краем и в глубине обороны обустроили несколько противопехотных и противотанковых минных полей. За восемь месяцев немецкое командование, выгодно используя естественные условия местности, от днепровских плавней до озера Молочное создало современные инженерные сооружения. По расчету противника, они то и должны были в сочетании с рельефом местности, стать тем рубежом, о который спотыкнутся советские войска и который не пропустит их в Крым и Таврические степи. Вот и спотыкнулись, но не отступили. Советские воины упорно атаковали этот чертов рубеж, неся неисчислимые потери и предпринимая рискованные операции. Совершая невоз-

можное, непосильное человеческой природе, они все-таки, пядь за пядью, вгрызались в оборону противника.

Когда Костя обнаружил, что не совпадают по времени передвижения «маячки», обозначенные в карте маршрута, он подумал, что запутался в лабиринте ходов и пропустил ту траншею, в которую они должны были свернуть. Он не мог решить, что же делать, а еще хуже было то, что он не знал, где ошибся. Как поправить ошибку? Вернуться назад в исходную позицию и быть более внимательным. Может быть, отворачиваясь от ветра, он пропустил развилку. В темноте и тумане это не сложно было сделать. Если они вернутся, то опоздают на начало операции. Если не вернутся, то, вообще, не попадут к дзоту. По тому, как Костя долго всматривался в карту, Тася поняла, что он в чем-то сомневается.

– Товарищ старший сержант, – обратилась она к нему, – что-то не так?

– Я видимо пропустил нужный поворот. Возвращаемся.

Все дружно повернули назад, и молча потопали в обратную сторону. Теперь ветер дул им в спину и передвигаться было намного легче. Они дошли до того места, где повернули в эту траншею, но на пути следования развилка им не попала. Значит, никак по-другому они не пойдут и придут туда же, где уже были.

– Что за чертовщина?! – выругался Костя.

Он так надеялся, что есть другой, правильный путь, но его не было. Они шли по неправильному, а он был единственным, и это значило, что они, вообще, не попадут к дзоту. «Маячки», которые им должны были оставить разведчики, каким-то образом исчезли или их кто-то убрал, или их, вообще, не оставляли. А «маячками» должны были быть треугольнички, сложенные из веток, в вершины которых втыкались невысокие веточки. То, что он вначале принял за маячки, видимо были просто случайные палочки или кем-то оставленные старые, но не для них. И, все-таки, он надеялся, что дальше по пути следования они еще окажутся.

– Мы снова там, откуда возвращались, – проходя мимо оставленного «маячка», сказала Ада. Перед возвращением она, замыкающая строй, на всякий случай, воткнула ветку в форме креста.

– Уже понял, – отозвался ст. сержант, – идем дальше. Во всяком случае, мы теперь знаем, что не пропустили развилку и не ошиблись, и в том, что произойдет, вины нашей нет.

При выполнении операции, неуверенность – это залог провала. Костя это прекрасно понимал. Не понимал он только одного: кто и зачем их послал по заведомо ложному маршруту. Что это? Оплотность или продуманный замысел? Если замысел, то на что он рассчитан? «Куда же мы теперь придем, и что нас там ожидает, – думал старший сержант, ответственный за жизни, вверенных ему солдат, – и зачем мы, вообще, туда идем?» Те, кто их посылал, знали ответы на все эти вопросы. Атаковать внезапно блиндаж должна была другая группа, а не они. Их группа посылалась для того, чтобы отвлечь на себя внимание и, таким образом, облегчить задачу и обеспечить успех атакующим. Но они об этом не знали. Их не стали уведомлять о том, что они просто приманка.

Идти в неведомое было страшнее, чем идти на смерть, потому что, зная заранее об опасности, будешь искать способ ее избежать. Неожиданность же не оставляет времени на поиск. Тася шла за Костей шаг в шаг, и чувствовала, какой неуверенной стала его поступь, представляла, что творится в его душе, душе командира, который сам не знает, куда ведет группу. Они шли вперед, другого пути у них не было. Все понимали, что попали в неординарное положение даже для войны, но никакого другого выхода у них не было, как только выполнять приказ командира, а приказ был: «Вперед!» Вот и шли вперед, каждая, воспринимая по-своему сложившиеся обстоятельства. Но отличались их мысли только в нюансах.

Ада думала о том, что ощущение безысходности и обреченности, которое у нее появилось с того момента, как попала к штрафникам, выворачивает ей все внутренности наизнанку. Почему? Почему она идет на боевое задание, как бычок на заклятие? Разве не жертвовала

своей жизнью в небе? Почему не было этого гадкого ощущения, этого обидой, испепеляющего душу огня, когда взмывала в воздух тогда, в неравном бою, осознанно обрекая себя на смерть. Одна против десяти «мессеров», она поднялась в воздух, не задумываясь, лишь только потому, что взвилась ракета. Тогда перед взлетом у ее самолета забарахлил двигатель. Пока с ним возился механик, прошло несколько минут. В небе над аэродромом кипел бой. Но она, как всегда, сидя в самолете, ждала ракету. Когда двигатель был приведен в порядок, и в небо взмыла ракета, девушки уже выходили из боя. Эскадрилья с боем отходила к аэродрому и начинала посадку. И ей по сути, нечего было делать в небе. Однако не взлететь на исправной машине, означало не выполнить боевого приказа. Не наращивать бой, а заканчивать надо было. Но ракета! И она должна взлетать. Вырулила на старт, дала газ и взлетела... навстречу десяти стервятникам. Понимала тогда, что обречена. При таком перевесе сил, противник редко когда отпускал жертву живой. И, все же, надеялась, надеялась на везение, что повезет ей и в этом бою, как во всех предыдущих – помогала Макарова выучка. Без надежды в бою нельзя. И она забирает вверх и на восток, чтобы идти на них по солнцу, а оно светило им в глаза и слепило. Другого выхода у нее не было. «Мессершмитты» проскакивают мимо нее и тут же атакуют. Чувствуется, что они уверены в победе. Но, она, выполняя вираж влево, заставляет их разделиться на пары. А этого ей и надо: попарно легче атаковать. Часть из них заходит в атаку сверху, часть снизу. Ада долго вращается в левом вираже. От перегрузки пересыхает в горле, темнеет в глазах, но она приказывает себе держаться. Уже от максимальных оборотов перегревается двигатель. И только тогда, когда стрелка уходит до отказа вправо, она выходит из виража и направляет машину на пару разрисованных стервятников. И тут уже – чья возьмет. Очереди противника чиркают по крыльям и фюзеляжу, не нанося жизненно опасных пробоин, а вот один из них задымил и пошел вниз от ее очереди. Пока она радуется успеху, на нее сверху на большой скорости пикируют «мессеры» и открывают огонь из пушек. Ее самолет, покачивнувшись, слегка приседает в воздухе, и из двигателя, дающего перебои, вырываются струйки пара. Это значит, что поврежден водяной радиатор. Надо бы садиться, на это надеется и противник, но она ведет машину опять в левый вираж. Задуманное не получается – из радиатора хлещет вода и тут же заклинивает мотор. Нужно садиться. Она ведет машину в пике и перед самой землей переводит на бреющий. Теперь она хорошая мишень для противника. Немецкие асы ликуют, пристраиваются сзади и обстреливают из пушек, бегущую по лугу машину. Целая трасса взрывов вспахивает землю чуть левее, оставляя комья земли. Глеет и дымит трава. Но Ада не собирается просто так сдаваться, и резко поворачивает вправо. Садится на фюзеляж и быстро убегает от машины. Но по звуку определяет, что «мессеры» возвращаются для повторной атаки, и понимает, что первая очередь будет предназначена, конечно, ей. И, как назло, рядом нет ни оврага, ни даже какой ни будь маленькой ямки, которая смогла бы ее укрыть от очереди. Она вдруг поняла, что сейчас ее может спасти только самолет. Возвращается, и назад бежит еще быстрее, чем убегала. Сходу бросается под него, прижимается к пышущему жаром двигателю, как к броне, заслонившись им от пуль. Пахнет маслом и бензином – ее спасением. Противник прекращает обстрел и удаляется. Видимо, израсходовали все боеприпасы.

Еще не веря, что жива, Ада встает, отряхивает комбинезон. Она цела, машина имеет небольшие повреждения, и после незначительного ремонта сможет опять летать. «Что это было? – спрашивала она себя, и как я за все это отвечу? Результат моего взлета: один сбитый противник и поврежденный мой самолет. Имела ли я право на риск? Нужно ли было взлетать, не получив подтверждения от командира, не доложив ему ситуацию? С другой стороны – в небе вспыхнула ракета, я выполняла приказ». Так рассуждала она тогда, добираясь до аэродрома. В полку ее ждали.

– Где твой самолет?

– Здесь, – Ада показала место на карте, – повреждения незначительные: заклинило двигатель и погнута лопасть винта.

– Поврежденную машину отремонтируем, а за то, что не растерялась и умело провела бой, объявим благодарность.

– Благодарность? – переспросила Ада, не ожидая такого поворота событий.

– Да, благодарность. Если бы ты не взлетела, и не вызвала огонь на себя, фашисты бы уничтожили машины на заправке и все остальное. Здорово бы «прогулялись» по нам.

Вечером того дня Ада обдумывала произошедшее, так как все еще была под впечатлением своего рискованного взлета. В спокойной обстановке понимала, что действовала не совсем правильно. Надо бы было подняться высоко в небо, разогнать скорость, а оттуда свалиться им на голову неожиданно. Она понимала, что этот прием, который явился анализом предыдущего боя, может ей оказать хорошую услугу в следующем бою. Так она и училась у жизни, в боях постигала военную мудрость, превращая ее в свое достояние, опыт. Постигала собственным умом, нередко ценой своей крови. В тот раз обошлось без крови. Она не была потомственным авиатором, вышла из трудового народа, обучалась по ускоренным методам и достигала вершин совершенствования. Она с гордостью может сказать, что многого достигла на этом пути. Асами не рождаются. Ими становятся в результате нелегкого повседневного труда – летных тренировок и наращивания летного мастерства. Но зачем ей это все теперь? Зачем часы нечеловеческих напряжений? Вот так бездарно окончить жизнь, как преступник в штрафной роте. Какая же разница, в каком статусе защищать Родину? Почему сейчас она воспринимает это, как наказание? А думают ли так другие? Наверное, что-то подобное ощущают все. Это читается на лицах, проявляется в жестах – печать безысходности видна во всем. Рядом с ней сидит Тася.

– Тася, ты с энтузиазмом идешь на задание?

– Ты хочешь сказать «на смерть»?

– Ну, зачем так мрачно? Может, кому-нибудь и повезет.

– То – то их столько везучих на склонах лежит.

– Понятно, значит, без энтузиазма. И я тоже. Я потеряла его. А ведь он у меня был.

– У всех был... до поры, до времени. Я его в Бутырке оставила.

– А как тебя туда угораздило?

– Любезно пригласили на экскурсию в знаменитую пыточную.

– Тебе не позавидуешь!

– Да, уж! Какая там зависть! Весь энтузиазм там и остался. Совсем по-другому стала мир видеть, как дальтоник. Все вмиг окрасилось в черно-серые тона. Один только лучик солнечный остался – сыночек.

– Так у тебя есть сын? А с кем он теперь?

– В детском доме. Меня сначала расстрелять хотели, а потом двадцать пять лет лагерей дали, а его в детский дом забрали. Сказали: «Когда выйдешь, заберешь». А я никогда не выйду. Сиротой расти ему судьбой предназначено.

– А как его зовут?

– Костик, как отца. Константин Константинович будет, когда вырастет. А я его так никогда и не увижу. Какой он теперь? Я запомнила его маленьким розовым комочком, смешно складывающим губы и высовывающим малиновый язычок.

– Первых? – догадавшись, но, желая быть уверенной, спросила Ада.

Девушка опустила глаза.

– Боже, какой ужас! Ни отца, ни матери!

Тася прижала палец к губам, мол «мочи». Хоть и не было смысла сохранять тайну, но она не хотела, чтобы узнали об их отношениях с Костей. Аде почему-то призналась, потому что хоть кому ни будь, а надо было сказать это сейчас, разбавить свое горе – слишком невыносимо стало все в себе носить. Все равно они не вернутся, и никто ничего не узнает об их тайне, как не узнает и о том, что они думали, что чувствовали в эти последние часы их жизни.

– Так что – не только о себе у меня душа болит.

– Я догадывалась, что между вами что-то есть, но не придавала этому значения. Флирт, так флирт. Думала: «Все равно помрем, пусть хоть душу перед смертью порадуют». А у вас оказывается это давно и серьезно. И как же вас обоих угораздило сюда попасть? Случайно или вместе попросились?

– Случайно, – сказала она, хотя сама подумала о том, что все это не случайно. Во всем этом есть какая-то магическая связь. Не случайно Вильгельм им рассказал о древнегерманском боге Вотане, не случайно на рубеже, названном в его честь, им придется погибнуть, не случайно этот бог, как говорил он, еще и хозяин Валгаллы – чертога мертвых. Вот его дворец, куда попадают павшие в битве солдаты и где они продолжают свою героическую жизнь. Здесь на Пришибских высотах, где устроили им этот Валгалл, судьба определила последний день жизни. Вот и закончится для них война. Они знали, что не только день, но и бой этот будет последним, и каждый вспоминал, с чего начиналась их война.

2.

Волшебное летнее предвечерье небольшого провинциального городка средней полосы Украины. Обычная размеренная в такое время года и суток жизнь населения, нарушена тревожными ожиданиями. На подступах к городку идут бои, и неизвестно чем все кончится. На обычные заботы и хлопоты наслаивается проблема эвакуации. Смещаются привычные пристрастия и человеческие желания, уходят на обочину сознания, тем более, что удовлетворить их не имеется возможности.

Горожане ждут вечера. Когда солнце приблизится к горизонту, и потянутся по земле длинные вечерние тени, придет и умиротворение. И пусть это будет всего иллюзия, но она позволит улечься страстям и дать организму отдых хотя бы на время – до следующего восхода. Постепенно город окутывает фиолетовый саван, но огней на улицах не зажигают. Если у кого-то в доме и горит свет, то его маскируют плотными шторами.

Катя расстелила постель и легла. Ничего вроде бы тяжелого и не делала, а устала. Она помогала в райкоме комсомола сортировать бумаги и складывать их для отправки за Урал. Именно туда сейчас эвакуировались предприятия и учреждения. В этом городе жила тетя, старшая сестра мамы. Поэтому ее сюда и направили, и по легенде она приехала проведать тетю, да так и осталась в оккупации. А должна была действительно остаться при немцах для того, чтобы внедриться в их органы и добывать необходимые сведения. Она была этому обучена – закончила специальную школу разведчиков. Ее медицинское образование и сносное знание немецкого языка и определило характер задания. Она, Таисия Табаченко, уроженка Харьковской области, отныне Екатерина Каверина должна была пойти работать в лагерь для советских военнопленных санитаркой или медсестрой. В советские органы попала информация о том, что немцы из числа пленных вербуют диверсантов. В ее задачи входило выявлять этих людей и сообщать о них, а также о тех, кто соглашается уезжать на работу в Германию. Задача не сложная, но и не простая. Чтобы добывать необходимые сведения, она должна была подружиться или с полицаем, или с сотрудником лагеря.

Но пока Катя еще в глаза не видела ни полицая, ни немцев. Война накатывалась, нагнетая ужас, а она, советская девушка гордилась собой, гордилась своим мужеством и тем, что ей поручили ответственное задание, выполняя которое должна остаться в стане врага, работать на него, общаться с ним. Она, Тася Табаченко – разведчица! Как бы ей позавидовали ее школьные подружки, которые, хотя и были девчонками, но всегда мечтали о подвиге. В связи с этим и будущие профессии выбирали. Тася мечтала быть хирургом и спасать людей. Представляла себя с полярниками на дрейфующей льдине, среди белых медведей, торосов и льдов. Всегда знала, что выдержит все трудности, преодолеет все невзгоды, потому что с детства закаляла

себя. По утрам обливалась холодной водой, ежедневно делала пробежку вокруг стадиона, а потом зарядку с подтяжкой на турнике. Иногда ей говорили подружки: «Ты никак себя в солдаты готовишь?» На что она им отвечала: «Врачи – военнообязанные, а, значит, солдаты».

Принимая участие во всех начинаниях детей, а затем и подростков военного гарнизона, стремилась закалить себя физически, училась справляться с трудностями во множестве походов и в военных играх, что дало ей возможность впоследствии преодолевать все препятствия, стоящие на пути к цели. Она совершала многокилометровые переходы пешком и на лыжах, преодолевала горные и водные препятствия. Дочь военного с пеленок впитала в себя режим гарнизонной жизни, аскетизм быта и непреложность уставных отношений. Они сформировали ее мировоззрение, вошли в ее характер, определили межличностные отношения. Она относилась к тому типу людей, которых называли «правильные», а в институте ее окрестили «торпедой». Девчонки часто говорили ей: «Таська, ты прешь, как торпеда». Если она была уверена в своей правоте, а она всегда была в ней уверена, для нее не существовало преград. Наделенная от рождения обостренным чувством справедливости, она боролась за ее торжество везде и во всем, ни перед кем не расшаркиваясь, ни перед кем не пресмыкаясь, будь то декан, ассистент или студент.

Вот так эту «торпеду» и вынесло на гребень волны, которая теперь называлась войной. Сильная, организованная, спортивно развитая Тася Табаченко, оказалась достойным кандидатом в группу разведчиков, которую набирали среди студентов. Сейчас вспоминала напутствие майора Кочина: «Береги себя. Не забывай, что враг тоже хитрый. Ты хочешь его обхитрить, а он – тебя. Кто – кого, конечно же, выяснится, но чтобы было: ты – его, нужна выдержка, смекалка и мудрость. А еще – холодная голова. Никогда ничего не предпринимай сгоряча, не подумав, не взвесив все «за» и «против»». И спрашивала себя: «А с холодной ли головой она, вообще, решила идти в разведчицы?» В ее решении немаловажное значение сыграли чувства: месть за погибшего в приграничном районе отца в первые дни войны, куда он был командирован. О какой холодной голове можно было говорить? Месть фонтанировала из нее, она захлебывалась в мести, она готова была лететь туда, где ползут эти гады по нашей земле и рвать их на части голыми руками. Тася не могла смириться с мыслью, что больше никогда не увидит его добрые, такие же, как у нее темно-карие глаза, не увидит в них радость от принесенной ею «пятерки», не услышит родной голос. И такой нестерпимой болью отзывались в сердце воспоминания об отце, что на глаза наворачивались слезы. Что с мамой и братом, она не знала. В последнем письме домой написала: «Мама, ухожу на фронт. За меня не переживай, постараюсь выжить...» Почти все медики уходили на фронт в госпитали или сандружины, и поэтому письмо Таси не вызвало удивления. Они ведь были военнообязанные и подлежали призыву.

Перед отправкой она основательно штудировала свою легенду, потому что не исключена возможность повтора вопросов в разной последовательности и с разных сторон. Ее будут стараться поймать, будут расставлять сети, применять хитрость и уловки. Поэтому учила легенду наизусть, в то же время, помня, что ответы не должны будут звучать, как зазубренный текст. В голове постоянно звучала фраза из напутствия: «Поступай по обстоятельствам, но с головой».

* * *

Чуть ли ни единственной силой, которая противостояла немцам на этом участке фронта, был тяжелый артиллерийский дивизион. Его орудия сняты с кораблей Черноморского флота, и дивизион укомплектован артиллеристами наивысшего качества, как в профессиональном, так и в моральном отношении. Позиция артиллеристов находилась недалеко от Днепра. Река текла по левую сторону, а по правую – уже пылал в пожарах город. Морские артиллеристы отражали одну атаку за другой, и мужества им было не занимать. Ни один вражеский танк не прорвался через их позиции к городу. Когда слышали за спиной взрывы, и грохот взлетевших в воздух

мостов через реку, поняли, что отступать им некуда. Взрыв для них был, как приказ: «стоять насмерть».

Немцы перли напропалую, не считаясь с потерями. Они никак не могли смириться с появлением непреступной преграды на их пути, каковой являлся этот дивизион. Их бесило, что солдаты вражеской армии не сдаются на милость победителя, а огрызаются с тем большей силой, чем упорнее на них наступают. А ведь они уже были окружены, и сражаться далее не имело смысла. Но дивизион не отступал ни на шаг. Им был дан приказ стоять до конца. И они стояли. Погибали, но не сдавались.

На глазах у Константина схватились в последнюю рукопашную соседи батареи сорокапятков. Когда они расстреляли весь боевой запас, и, подорвав орудие, защищали орудийные дворники, им оставалось только встретить смерть. Конечно, бойцы могли сдаться в плен, но моряки в плен не сдаются. Плену предпочли смерть в бою. Они мужественно сражались и мужественно умерли, потому что, решив принять вынужденную смерть, совершили героический поступок.

Первых с напарником на батарее остались одни у орудия, и зарядили его последним снарядом. Вдвоем дотащили снаряд и уложили его в лоток казенника. Досылая снаряд, Костя еще не знал, что его товарища сразила пулеметная очередь, и еще что-то ему кричал, о том, что подпустим танк поближе и выстрелим в упор так, чтобы и танк подорвать и самим подорваться. Для этого танк должен был подойти почти вплотную. Но уже через мгновение понял, что остался один и один должен принять решение. От напряжения звенели мышцы, и звенело в голове. Он во всю мощь своего голоса и, выплескивая всю тоску и безысходность, заложил самый отборный мат. Этим матом он как бы опустошил себя, снял с себя невыносимую жестокую боль, которая рвала его на части. Это боль была не столько физическая, сколько моральная.

Константин ждал, когда танк, направляющийся прямо на него, подойдет поближе. Он торопил минуты, но они как будто остановились и не желали задуманного им столкновения. Не желал этого и танкист, потому что он остановил танк и начал разворачивать орудие в сторону артиллериста. Каким-то непостижимым образом немецкий танкист понял, о чем думает русский солдат. А Костя думал о том, что это его последняя цель и он должен ее уничтожить даже ценою своей собственной жизни. Все более настойчиво врезалась в опаленный боем мозг мысль: «Черноморцы не сдаются!» Он должен умереть, он должен избавиться от этой мысли вместе с последним выстрелом. Догадавшись о намерениях танкиста, Костя повернул рукоять спуска на себя. Они выстрелили одновременно. Его подбросило вверх и опустило на землю в нескольких метрах от орудия, засыпав землей. Он слышал автоматные очереди и даже обрадовался, подумав, что наши пришли на подмогу – успели все-таки, хотя откуда им взяться? Но немецкая речь рассеяла эту нечаянную иллюзию. Он понял, что они добивали раненых. Он притаился, и даже задержал дыхание, когда лающая речь прозвучала прямо над головой.

– Вставай русская свинья! Прими смерть стоя!

Он не пошевелился. И правильно сделал, потому что оказалось, что не ему это говорили, а кому-то, кто лежал неподалеку. По звуку он понял, что кто-то там поднимается, и его сразу же укладывает на землю автоматная очередь, сопровождаемая словами на плохом русском:

– Моряков приказано в плен не брать. Моряков приказано стрелять.

Шаги удалились. Значит, его не заметили, видно основательно земля присыпала. Сквозь щели между комьями он видел, что солнце клонится к закату и скоро наступит ночь. Не получилось у него умереть, придется жить. Чтобы сохранить жизнь, надо будет попытаться ночью переплыть на ту сторону Днепра, где еще были русские. Хотя он совершенно не был уверен, что русские еще там. Но, так или иначе, а надо будет уходить отсюда, а по дороге он уже решит, куда ему направиться.

Когда совсем стемнело, он выбрался из осыпи и, прежде всего, снял тельняшку и закопал ее в том месте, где только что лежал сам, предварительно поцеловав ее и попросив прощения за предательство. Уходя, добавил:

– Может быть, я так дольше проживу. Не так в глаза будет бросаться, что я моряк.

Его засыпало на дне окопа, поэтому его и не увидели немцы. Он перелез через бруствер, который значительно осыпался за время боев, и вышел из дворика. На том же месте, где его видел последний раз, дымил обгоревший танк. Он пошел по направлению к дороге, которая проходила недалеко от их позиций и которую они держали под прицелом, не позволяя немцам проскользнуть по ней в сторону города, но, сделав несколько шагов, вернулся. Ему было плохо оттого, что он оставил тельняшку, как будто друга предал. Не мог он так поступить. С такой радостью и гордостью он надел ее впервые, хвастался ею перед земляками, носил всегда так, чтобы она выглядывала из-под бушлата. А теперь... Гадко как-то стало на душе от такого поступка, от такой подлости, проявленной пусть даже ни к человеку, а к кусочку материи. Но, ведь это не простая материя – это тельняшка, за которую любой моряк способен жизнь отдать, а он ради жизни решил от нее избавиться. Раскопал, вытряхнул землю, и одел со словами: «Прости, за минутную слабость». Тут до его уха донесся едва уловимый гул. Он остановился, прислушиваясь. Гул нарастал. И он понял, что по дороге движется и скоро пройдет мимо него колонна немецкой техники. Он свернул к небольшому и редкому лесочку, тянувшемуся по склону балки в сторону города. Этим лесочком он и решил пока идти. А куда? Во-первых, надо попить, во-вторых, переодеться и в третьих – не мешало бы подкрепиться чем ни будь. В город заходить нельзя – там немцы и, вообще, нет смысла – ему в другую сторону. А ему больше нигде ни попить, ни переодеться, ни подкрепиться. Но пока судьба дарила ему жизнь, пользовался ее подарком и думал о том, как подольше сохранить этот драгоценный подарок, хотя совсем недавно был готов с ним расстаться. Но тогда требовали обстоятельства, диктовали условия боя.

Оказавшись в безопасности, и немного успокоившись, он вдруг почувствовал, как ему хочется спать, ведь он несколько суток уже не спал. Спать опасно, и он решил идти. Но сон буквально валил его с ног, и он, пробравшись сквозь густой кустарник на самое дно оврага, отдался в его власть. Проснулся, когда солнце уже перевалило за зенит. Сквозь решето листвы на дно оврага проникали золотистые его лучи, падали ему на лицо. Он прищурился, и они рассыпались всеми цветами радуги. Вроде и войны нет. А что это было вчера и несколько суток назад? Изматывающие бои, безысходность и, как выход, смерть. Еще вчера он согласен был умереть, а сегодня хочет жить. А сегодня наслаждается жизнью во всех ее проявлениях. И, действительно здесь, на дне этого оврага не было войны. Здесь светило солнце, с ветки на ветку перелетали птицы, и их щебет казался таким громким, что ему становилось страшно. Значит, все-таки есть война, и ему страшно даже оттого, что щебет птиц может привлечь врага. Овраг, в который он попал ночью, оказался довольно глубоким, и по его дну можно было пройти, почти не сгибаясь под ветками деревьев. Их ветки так густо переплелись, что закрывали дно от обозрения сверху. Только куда приведет этот овраг, ему было не ясно. А идти по нему безопаснее, чем по лесочку и можно даже днем. Зря он испугался птичьего щебета. На дно этого оврага война не заглянула. Здесь был совсем другой мир, не реальный. Он должен был признать себе, что к нему вернулись силы, он был не ранен, а, значит, должен выполнять свой долг, долг советского солдата, а он прохлаждается здесь в этой идиллии на дне живописного оврага. А где-то там, на войне идет бой и, может быть, кому-то так нужна сейчас его помощь.

Он бродил в поисках съедобных ягод, и почувствовал запах сырости. Это говорило о том, что где-то недалеко есть вода. И действительно, немного пройдя вперед, он увидел струйку. Она вытекала из расщелины между камнями со склона оврага. Он соединил ладони лодочкой и набрал в них воды. Вода была холодная и приятная на вкус. Тогда он лег на землю и припал к краю каменного блюдца, которое изваяла для себя падающая струйка. Напившись вдо-

сталь, он откинулся, и некоторое время лежал, давая возможность влаги проникнуть во все клеточки своего организма. И только, когда он почувствовал, что весь напитался влагой, решил помыться, чтобы смыть с себя пыль и гарь сражений. Каменное «блюдец» оказалось неглубоким и воды в нем было не много, поэтому Косте пришлось долго повозиться, чтобы омыть себя. Зато потом довольный, чистый, ощущая прилив новых сил, двинулся в путь. По солнцу определил, что вскоре встретившееся ответвление оврага, приведет его к городку, огоньки которого он приметил ночью. По нему он и шел до следующего утра, стараясь не наступать на ветки и не создавать лишнего шума.

Как только рассвело, он выбрался из балки и осмотрелся. Казалось бы, что городок спит в розовой дымке утра, если бы не вереница немецкой техники, змеей, вползающая в его главную улицу, которая являлась продолжением дороги. Разве кто-то мог спать в таком грохоте. От надрывного звука работающих моторов, в домах дрожали стекла. У Кости голова кружилась от голода, но он понимал, что соваться в этот город, все равно, что в пасть льву. Там ни только не раздобудешь себе пищу, а сам станешь ею. Хорошо, если эти части пройдут через город, а не будут в нем расквартированы. В таком случае ему надо будет искать другое поселение, может быть, деревню какую ни будь. В деревне немцам не комфортно.

Техника прошла, не остановившись в городе, но немцы на улицах появлялись. Увидел он и русских с повязками на рукаве, которые забегали в дома, выволакивали на улицу жителей, подталкивали их прикладами и уводили вглубь города. Сгущались сумерки. В одном из дворов он увидел девушку. Красивая, ладная фигурка – такая скоро станет жертвой солдатских или офицерских appetitov. И так ему стало эту девушку жалко, и так у него защемило сердце, что он решил обязательно с нею познакомиться и предупредить об опасности, попросить, чтобы она ушла из города. Может быть, они даже вместе пойдут в какую-нибудь деревню. Он заметил, как при этой мысли чаще забилося сердце. Дождавшись темноты, черной пеленою окутавшей город, он стал осторожно пробираться к дому, в котором жила девушка. Спрятавшись под кроной раскидистой яблони, достававшей ветвями почти до самой земли, он наблюдал. В дом никто не заходил и из дома никто не выходил. Он понял, что девушка живет одна. Тихонько постучал в окно той комнаты, где горел каганец. Занавеску отодвинула красивая девичья рука с длинными тонкими пальцами, и он увидел лицо. Оно ему понравилось еще больше, чем фигура. Мягкий вопрошающий и в то же время доброжелательный взгляд карих глаз поразил его настолько, что он потерял дар речи. Он стоял и молчал, и не знал, что сказать. Сквозь видимую мягкость откуда-то изнутри проступала такая сила, что Костя осекся. Он понял, что ни он ее, а скорее она его будет защищать. Замешательство длилось мгновение. Но только он открыл рот, чтобы попросить ее о прибежище, как она, поняв по его виду, кто он и откуда, быстро скомандовала:

– Залазь! – раскрывая и вторую створку окна.

– Я лучше в саду буду, дай только воды.

Но девушка уже втаскивала его за плечи на подоконник. Внутренний голос предупреждал ее, что она поступает опрометчиво, что не имеет право этого делать, потому что оставлена здесь для задания, которое любой ценой должна выполнить, а может «засветиться» прямо сейчас. Но голос сердца, подавляя голос разума, командовал ее действиями.

– Иди за мной на ощупь.

По лестнице, стоящей в коридоре, поднялись на чердак. Катя хорошо ориентировалась в темноте, потому что не один раз по ночам проделывала этот путь. Она заранее готовилась прятаться от немцев, если придут с облавой. А на чердаке между потолком и крышей был тайник, в котором можно было пересидеть незамеченной. Туда она и вела парня.

– Как зовут тебя?

– Костя, Константин. А тебя?

– Хозяйка.

– Ну, хозяйка, так хозяйка, – обиделся он, униженный недоверием. Но тут же мысленно оправдал девушку: «война – сейчас доверяй и проверяй!» Увидев на его лице обиду, причем так ярко выраженную, как у ребенка, она смягчилась.

– Катя.

Катя показала ему тайник и пообещала принести одеяло и ужин. Вареную картошку со смальцем и слегка поджаренным лучком, он, вообще, никогда не ел. Все это употреблял по отдельности, но чтобы так, вместе – впервые. Это было очень вкусно, и он, пережевывая, нахваливал кулинарные способности хозяйки.

– Еще будут приходить оттуда? – она кивнула головой в ту сторону, где были бои, и откуда пришел Костя.

– От нас – нет. Никого в живых не осталось, – и Костя рассказал все, как было, – мне бы на ту сторону фронта пробраться, к своим.

– Отдохни немного, отъеши. Путь не близкий и опасный. Без моего разрешения в дом не спускайся. Сиди здесь, чтобы не произошло.

Утром она принесла тазик и воды для умывания.

– Я бы мог спуститься.

– Немцы шарят по домам. Сиди на чердаке и не высывайся.

Спустя несколько минут, принесла в миске картошку в мундирах. Еще горячую. Над ней поднимался аппетитный парок. Нарезанное ломтиками сало, несколько кусочков хлеба, очищенная луковица, соль и ножик лежали на тарелке.

– Я уйду. Дождись меня. Может быть, я что-то смогу для тебя сделать.

Через маленькое окошко на чердаке он видел, что Катя ушла. Но он совсем не волновался. Даже мысли не допускал, что она может пойти и заявить о нем немцам. Если бы она была другая, она бы просто не пустила его. Зачем кормить, умывать, а потом немцам сдавать? Не логично. Но главным доказательством были ее глаза. Они смотрели на него как-то по-особому. Так никто на него еще не смотрел. И он понимал, такие глаза – не предадут, и стал спокойно ожидать ее прихода. Она пришла, когда уже совсем стемнело.

* * *

Костя молча наблюдал за Катей. Девушка собирала ему в дорогу рюкзак. Ее уверенные и даже можно сказать профессиональные движения, наводили на мысль, что она где-то обучалась этому, и, видно, не первого отправляет за линию фронта, помогает догнать своих. «Кто же она такая? Откуда такая уверенность и знание дела у обычной городской девушки?» – вопрошал себя он, но вслух не спрашивал. Ему было все это удивительно, и он хотел знать ответ, но в глубине души чувствовал, что не ответит. Прочитав его вопрос во взгляде, Катя сказала

– Не ломай себе голову. Сейчас такое время, что даже родной маме не во всем признаешься. Да, и не к чему тебе это. Для тебя сейчас главное перейти линию фронта и попасть к своим. И еще прошу тебя, не попадись к немцам в руки. Помолчала, потом добавила:

– А, если попадешься, ничего не говори обо мне, как будто ничего и не было, и ты меня никогда не встречал... и имя мое забудь. Никогда никому не называй мое имя.

Когда стемнело, они вышли из дома. Ночь была темной, безлунной. Тяжелые тучи заволокли небо, и, казалось, что вот-вот пойдет дождь. Сырой холодный ветер уже нес в воздухе дождевую влагу где-то недалеко идущего ливня. Костя подумал о том, что ему совсем не хочется промокнуть, ибо сушиться будет нигде. Прочитав его мысли, Катя заметила:

– Нам идти недалеко. До дождя успеем.

И Костя в который раз удивился ее умению читать его мысли, чувствовать его душу, определять, что в ней творится. Удивительная девушка. Вот о такой невесте он всегда мечтал. Но разве сейчас время думать об этом?! Он пропустил ее вперед, чтобы хотя бы просто посмот-

реть на фигуру, запомнить какие у нее плечи, бедра, ноги. Он ощутил глубоко в душе какое-то волнение, сладостное и непонятное, и совсем неуместное и странное в этом окружающем их ужасе войны. Почувствовал и испугался, что его заметит Катя и, может быть, обидится. Он быстро пошел вперед, и услышал вслед:

– От себя не убежишь.

– Катя, прости. Я не хотел тебя обидеть.

– А я и не обиделась.

– Правда? Тогда жди меня после войны, я приду к тебе, – выпалил он, не ожидая от себя такой смелости.

– Приходи. Буду ждать.

Ему так хотелось поцеловать ее, скрепить их договор, но он побоялся сделать это. Дальше шли рядом и молча, крепко взявшись за руки. Он понимал, что тоже понравился девушке, и теперь надо было выжить на войне и придти на окраину этого поселка, как он пообещал. Его здесь будут ждать. «Его здесь будут ждать!» – кричала обуреваемая чувствами душа. Катя вдруг остановилась.

– Дальше ты пойдешь один. Тебя встретят в конце этой тропинки.

Они сжали на прощание крепче руки, не сговариваясь, дуэтом выдохнули:

– Живи! – и оба увидели в этом хорошее предзнаменование, в то, что они еще встретятся, хотя каждый из них еще минуту назад думал об их бессрочной разлуке. Это окрылило обоих, и они, улыбаясь, развернулись и пошли прочь друг от друга в разные стороны. «Как солдаты по приказу, – подумал Костя и вслух сказал, – а мы и есть солдаты». И ему тут же захотелось бросить еще один прощальный взгляд на Катю. Но, когда обернулся, ее уже не было на тропинке. Ему даже стало немного обидно: ведь знала же, что он обернется, могла бы и подождать, пока не скроется из виду.

Он, единственный кто выжил в пекле боя и миновал плен, сейчас ехал в товарном вагоне. Разгар боя, попытка добраться до жилья, где на каждом шагу его подстерегала опасность, настолько поглощали его, что было не до размышлений. За эти три дня произошло столько разных событий, которые, наслаиваясь друг на друга, вытесняли предыдущие, не оставляя времени на их осознание, анализ и выводы. А, сейчас, лежа на голых досках пустого товарняка, который гнали за украинскими остарбайтерами, мог немного расслабиться. Его никто не потревожит до следующей станции и в эти несколько часов он может себе позволить перебрать в памяти все, что с ним произошло. Ему не надо было напрягать свой слух, собирать силу воли в кулак, пробираться звериными тропами и самому превращаться в зверя, загнанного в ловушку зверя, который во чтобы то ни стало должен перехитрить ловца и миновать силки, что требовало нечеловеческого напряжения. Теперь, когда он позволил себе расслабиться, он вдруг почувствовал пространство. Именно почувствовал его зловещее дыхание, и по его телу несколько раз пробежала дрожь. Оно было во всем, что его окружало. Серое задымленное небо с низкими тучами чуть ли не спускалось на землю и выжидало, когда же ему будет позволено раздавить их, смахнуть с моста. Громяхающий на рельсах состав, деревянный с облупившейся от времени краской, а где и вовсе посеребрившимися стенками, вагон, сквозь решетчатое окно которого он видел Днепр. Там, внизу клочкотала река, казалось, готовившаяся каждую минуту поглотить их, движущихся по дребезжащему мосту. Вода в реке не текла спокойным потоком, как это бывает обычно. Она бурлила, металась из стороны в сторону и пенилась. Ее стремительный бег прерывался подводными камнями и волны, спотыкаясь о них и, набегая друг на друга, образовывали буруны. В других местах воронки закручивали воду в спираль и увлекали в темноту и кошмар дна. Почти у берега наполовину в воде лежал искореженный состав. Стены вагонов, которые были над водой, представляли собой жуткую картину крушения. От огня полопалась краска и черные разводы копоти, покрывали то, что некогда было вагонами. Теперь это был металлолом. Он представил себе, что чувствовали люди, находящи-

еся в этом вагоне и ему стало жутко. Жутко было и оттого, что их состав тоже всякую минуту, может быть в таком положении. Рядом на мелководье стояли сваренные крест-накрест рельсы – противотанковые ежи.

И он понял, что рано расслабляться. Видимо теперь не скоро он сможет себе позволить это. Если до сих пор сам отвечал за свою безопасность, то в вагоне, в этом деревянном ящике, он, как в склепе. И здесь ничего уже не зависит от его силы воли, от его смекалки или даже желания. Он почувствовал, как весь ужас войны не только окружает, но и проникает в него. Проникает настойчиво, пытаясь поселиться в нем, обескуражить, подмять под себя, подчинить своим законам и навязать свои правила, свою философию. Но и этого ему было мало, он порождает страх. Он, черноморский моряк, который не боялся ни бога, ни черта, вдруг почувствовал его. Страх заползал под кожу, он проникал в мозг гаденькими мыслишками, которые метались в разные стороны, создавая хаос и панику. Они заставляли его выпрыгнуть с вагона, избавиться от этого ящика, который может похоронить его в себе. А с другой стороны – прыжок в воду с моста, да не просто в воду, а на пороги и в воронки – это неминуемая смерть. Но лучше умереть на свободе, чем в ящике. Он даже не мог предположить, как бы поступил, если бы в следующую минуту не перестали мелькать фермы моста, и состав не выкатил на берег. Прекратилось это жуткое дребезжание, перестали мелькать эти бурлящие беснующиеся воды. Под вагоном была земля. Размеренный перестук колес, в такт ему поскрипывание старого вагона, успокоили Константина, и ему даже стало стыдно за эти минуты слабости. Но то, что война, конечно же, заставит жить по своим законам, нравится ему это или нет, он усвоил, и принял это, как должное. Пока только спасал свою жизнь и пытался отыскать советские войска, понятия не имея, где их искать. Но то, что на востоке, знал наверняка, поэтому и ехал на восток.

Поезд замедлил ход, заскрипели соединения между вагонами. Состав зашипел, закрихтел, вздрогнул и, наконец, остановился. Костя услышал шаги и тихий голос: «На первой станции после того, как стемнеет, сойдешь. Я сейчас отодвину засов, потому что на станции опасно подходить к вагону. Лежи под вагоном, пока не уйдет состав. Счастливого тебе пути, друг». «Спасибо» – поблагодарил он проводника. Они с ним договорились, что он выйдет на небольшой станции перед городом, потому что на ней не такой строгий контроль. Под покровом ночи он должен был подойти к городу и отыскать указанный адрес. Отойдя от станции и углубившись в посадку, Костя вздремнул, прислонившись к стволу дерева, а как только начало светать, пошел к близлежащей улице. Густой утренний туман стелился над землей, покрывая ее молочной пеленой. Туман ему был на руку. В тумане он был не так заметен. Прошел километров пять. Вокруг – ни души: ни своих, ни немцев. Так бывает обычно на нейтральной стороне. Но на нейтралку обстановка была не похожа. Тогда он решил, что попал между эшелонами. Так бывает в промежутках, когда передовые части уже проследовали, а те, что за ними, еще не подоспели. На самом деле оказалось другое. Передний край стойко удерживали советские войска, а он попал в тыл. Вернее в тыловую оборону, войска которой размещаются на некотором расстоянии от передовой.

3.

В июле сорок первого Люся узнала от сокурсников, что набирают желающих в группу особого назначения для работы в глубоком тылу. В эти дни студенты бегали по военкоматам, пытаясь попасть на фронт. Она собиралась пойти на курсы медсестер, как ей предложили в военкомате, но когда узнала, что набирают групп для работы в тылу, изменила свое решение. В первый день собралось человек сорок. Им предложили заполнить анкеты, а потом с каждым разговаривал симпатичный, уже начинающий сесть, майор. Люсе казалось, что он говорил ей совсем не то, что хотел сказать, потому что в глазах читала: «Девочка, одумайся, останься дома!» После беседы к ним вышел совсем молоденький лейтенант и зачитал двенадцать фами-

лий. Услышав свою, обрадовалась, так велико было желание защищать Родину, что готова была пожертвовать собственной жизнью.

– Остальные свободны! По домам! – под неодобрительный ропот и возгласы разочарования и отчаяния, скомандовал лейтенант.

В этот же день начались напряженные занятия. Восемь мальчиков и четыре девочки, впитывая знания, старались всё запомнить. Записывать ничего нельзя, да и со шпаргалкой на диверсию не пойдешь. Надо всё держать в голове. Вечером Люсе казалось, что мозги гудят и переворачиваются, как каша в кипящем котле. Несмотря на то, что с памятью у неё было все в порядке, да и учиться любила, на этих курсах в первые дни оказалось трудновато, пока не привыкла к специфике подаваемого материала. Их учили стрелять из пистолета и винтовки, делать мины «нахалки», представляющие собой палку с привязанным на конце тротильным запалом. Чтобы запал не отсырел, на него надо было надевать презерватив. Его не только брать боялись, но даже смотреть, ведь в группе были почти еще дети: мальчики – допризывники, две девочки, только окончившие десятый класс и Люся с подружкой после третьего курса института. Никто из них презервативы в глаза не видел, а, если и слышал, то это была такая запрещенная тема, что о ней говорили только шёпотом. Но им пришлось побороть природный стыд и отнестись к ним, как к разновидности оружия. И все-таки, краснея и фыркая, девчонки отворачивались, когда мальчики учились надевать их на запалы. Пришёл черед и девчонок обучиться этому ремеслу. Никто не хотел первым.

– Дети, совсем еще дети, – сокрушался, поглядывая на них, майор и уже тихо, чтобы никто не услышал, добавил, – и куда мы их посылаем?! Ну, почему мы вынуждены такие девственные создания, нетронутые пороком и грехом, посылать на верную смерть...

В то, что кто-то из них выживет, он мало верил, хотя и очень хотел. Ни одна еще из посланных ими групп, не вернулась. Не вернулась и его дочь, ушедшая с предыдущей группой, хотя уже давно прошли все сроки их возвращения. Сначала первые группы готовили три недели, потом сроки сократили до двух недель, а на подготовку этой группы дали всего неделю. Чему можно было их обучить за неделю? «Необстрелянных, необученных, совсем детей посылаем на верную смерть, – мучился майор, которому приказано было руководить этими курсами, – как можно надеяться на то, что противник не будет брать в счёт детей?»

Они изучали мины, ползали, ходили по азимуту, знали все виды личного оружия, учились стрелять. Стреляли в крышку котелка. Люся попала со второго раза. Её похвалили. Всю группу зачислили в воинскую часть особого назначения. Её личный состав должен был проникать за линию фронта, вести разведку и совершать диверсионные акты, не давать покоя фашистам в тылу. Обучение молодых бойцов велось ускоренно. Через неделю после начала занятий, их одели в гражданскую одежду, снабдили рюкзаками, в которые было уложено все необходимое и отвезли в стрелковую дивизию. Люся вместе с группой своих товарищей получила первое задание – первое «боевое крещение». Шли вечером по железной дороге. Сопровождали их разведчики фронтовой части, показывая дорогу.

В дивизию на линию фронта они пришли утром. До темноты оставались в дивизии и «нюхали порох», как сказал им в напутствие майор. Здесь и увидели, какой он этот фронт. Окопы, обшитые внутри бревнами, штаб – в землянке, столовая в ложбине, сверху покрытая закамуфлированной сеткой под растительность. Их покормили. Как только стемнело, разведчики, идущие на операцию, взяли их с собой и перевели через линию фронта. Переходили под обстрелом, но никого из группы не ранило. Разведка пошла чуть вперед, группа на определенном расстоянии шла следом. Впереди река Нара. На ней маленький мостик. На мостике «кукушка» открыла огонь. Ранило одного из разведчиков. Группа успела прилечь и затаиться. Разведчики сняли «кукушку», и все пошли дальше. Перейдя мостик, углубились в лес. Уже светало. Лес неожиданно окончился, и они увидели впереди множество окопов. В одном из них

лежали изрубленные на куски красноармейцы. Девочки побледнели и остановились от неожиданности – они первый раз встретились со смертью.

– Чего стали? Такое будет на каждом шагу. Если будем останавливаться, до конечного пункта не дойдем, – поучительно произнес старший группы.

Его звали Геннадий. Геля. Люся думала о том, что и здесь рядом с ней это имя, имя любимого. Где он теперь, ее Геля? Воюет, наверное, если не выполняет дипломатическую миссию. Когда же они теперь встретятся? И встретятся ли вообще? Ведь теперь они подданные враждующих держав!

Почему-то Люсе показалось, что слово «конечного» означает последнего в их жизни. И она впервые реально осознала, что идет на смерть. Никакой романтики – впереди смерть. Мученическая или внезапная. От такого открытия содрогнулась не только душа, но и тело. По нему пробежала противная дрожь. Люся оглянулась – никто ли не увидел минуты ее слабости. Кажется, нет. Каждый занят своим и внимательно смотрит себе под ноги: так их учили ходить, чтобы ветки не хрустели под ногами. А еще их учили помнить, что шашки надо укладывать плотно друг к другу, чтобы детонация была; после запуска взрывателя быстро убежать и многое другое, от чего зависел успех операции и их собственная жизнь. В гражданской одежде выглядели, как группа сельских ребят, идущих в лес по грибы.

В лес пришли, когда совсем стемнело. Разведчики ушли, указав им направление, в котором следовало идти. Шли то мелкими, то глубокими лесными оврагами, на дне которых попадалось множество ручейков и хлюпала вода. Обувь промокла, так как в темноте воду не было видно. Идти жарко. Ребята очень быстро выбились из сил и изошли потом. Тяжело дышали от быстрой ходьбы и изнывали от жары. Им приходилось еще тащить на себе тяжелые рюкзаки. У девчонок буквально подворачивались ноги. Никто из них прежде не занимался легкой атлетикой и не участвовал в марафонах. У них отсутствовала хоть какая-нибудь мало – мальски спортивная подготовка, и они физически были слабы, и не готовы к той нагрузке, которую им пришлось выполнять. Старший группы объявил привал. Все с радостью попадали на землю, сбросив рюкзаки. Его лямки так глубоко врезались в плечи, что Люся опасалась кровавых ран. Только этого ей сейчас не хватало! Да, и стыдно было оказаться слабачкой перед своими боевыми товарищами. Провела пальцами по ложбинкам: не выступила ли кровь. Пальцы были мокрые, но ведь они могут быть мокрыми и от пота. Чиркнула спичкой. Крови не было. Облегченно вздохнула. Надо бы, надевая рюкзак, лямки переместить, и дать натертым местам отдохнуть от нагрузки. Пока все отдыхали, две девочки пошли в разведку в деревню.

Немцев там не было. Принесли картошку, и все дружно принялись за ужин. Картошка в мундирах и свиная тушенка были роскошью по этим временам. Ужин запили водой из фляг. Пили не много – воду надо было экономить. Они последний раз пополнили фляги в дивизии, а потом – только случайные родники или колодцы. Это, как повезет.

Вскоре на пути попалась землянка. Старший пошел к ней, чтобы сориентировать карту. Зашел вовнутрь. В землянке жила бабушка. Рассказала, что из деревни всех жителей немцы прогнали в лес. Больше никого, кроме немцев, она не видела.

– А немцы здесь часто появляются?

– Проезжают, пьянствуют, горланят песни.

Это насторожило старшего – надо быть внимательнее. Бабушка ела хлеб из древесной коры с картофельными очистками. Боец оставил ей пару сухарей, несколько кусочков сахара и две сушеные воблы. В колодце у нее набрал воды в котелок и флягу, и пошел к группе. Воде обрадовались, потому что она у всех заканчивалась. По одному сходили к колодцу и пополнили фляги и котелки. Из котелков вода проливалась, и надо было умудриться нести их ровно, и не раскачивать. Все старались, потому что остаться без воды в летнюю жару никому не хотелось.

На карте обозначалась деревня, которую надо было незаметно обойти. Для этого пришлось углубляться в заросли, минуя поляны, маскироваться, переползать через дорогу. Голод-

ные – продукты все на исходе, уставшие, удалялись от деревни. Если бы в ней не было немцев, пополнили бы съестные запасы. Наступили сумерки. В здании школы орали песни пьяные немцы. Сквозь их ор прорывались жуткие крики девушки. Всем стало не по себе. Между чередой нечеловеческого звериного то ли воя, то ли рычания, прослушивалось «ма-а-мочка-а, спа-а-си-и-и!»

– Что они ей делают, – спрашивает Валя.

– Пытают, – отвечает Геннадий, – иголки под ногти загоняют. Что страшно? Но ведь ты на это подписалась.

После такого замечания все постарались спрятать свой страх, испугавшись осуждения товарищей. Но каждый с ужасом спрашивал себя: «Вынесет ли он такое?» Это был знак. Это был урок, который каждый четко усвоил, и решил живым к немцам в лапы не попадать. Отряд приближался к точке, где было приказано ждать человека с дальнейшими указаниями их действий. Сколько ждать, известно не было, но почему-то все решили, что у них есть еще время, по крайней мере, до утра, и решили развести костер, занавесив его плащ-палатками, чтобы он не был виден. На костре сварили суп и вскипятили чай. После сытного то ли ужина, то ли завтрака, уснули, как убитые. Оставили дежурного, предварительно бросив жребий. Первый раз за всю дорогу никто не проявил инициативы – сильно устали. С ужасом ждали, кому выпадет дежурить. Но тут Люся сказала:

– Целую ночь никто не выдержит. Давайте менять друг друга через два часа.

Так и решили.

На следующий день, затянувшееся тяжелыми свинцовыми тучами небо, не предвещало ничего хорошего. И, все-таки надеялись, что появится солнышко. Оно так и не появилось. А тяжелые черные тучи обещали вот-вот разразиться дождем. Ближе к полудню упали первые капли. Куда ни глянь, до самого горизонта висела серая кисея дождя. Справа и слева поверхность земли превращалась в болота и грязевые реки. По коре стволов даже самых толстых деревьев, стекали ручейки воды, как из чуть приоткрытых кранов. Когда же резкий порыв ветра сотрясал кроны, на плащевое полотно обрушивался настоящий водопад. Несмотря на то, что укрылись под плащ-палатками, вода находила отверстия, чтобы добраться до них. Они стояли по щиколотку в воде. Дождь шел долго. Уже стемнело, когда туча, роняя на землю последние капли, медленно поползла на восток, распадаясь на отдельные клочья. Они вынырнули из-под укрытия, и поняли, что потеряли ориентацию на местности. Решили здесь, посреди леса дожидаться утра.

И вдруг ночь огласилась жутким волчьим воем, от которого у ребят поползли мурашки по телу. Страх заставил их шевелить мозгами и додумываться до самого невероятного, до такого, до чего никогда бы не додумались в обычной обстановке.

Ребята образовали наружный круг, в задачу которого входило бросать самодельные бомбочки, как можно дальше в волчью стаю, окружившую их со всех сторон. Волков притягивал запах крови раненного в ногу Жорика. Остальные, находясь внутри круга, занимались отделением пуль от гильз и извлечением из гильз пороха. Заворачивая его в листы, получали маленькие взрывпакеты. Вырванные из любимой книги листы, последний раз служили службу. Ближайшее пространство вокруг них заволокло дымом, неприятно пахло порохом. Взрывов, конечно, не происходило, но вспышка получалась очень яркой, похожей на вспышку магния, которой пользовались в старину фотографы. Это отпугивало волков. Они не осуждали животных, понимая, что это нелепо. Осуждать их за настойчивость и свирепость, все равно, что осуждать быка, бросающегося на красную тряпку. Они так были созданы, и выполняли свое предназначение на земле. Но от понимания этого, им не становилось легче, не уходил страх быть съеденными, да еще к великому позору, не выполнившими задания. Стрелять в них они не имели права, чтобы не поднять шума и не обнаружить себя. Да и не было смысла – вол-

ков было много. Посчитать из-за темноты они их не могли, но горящих глаз было достаточно, чтобы основательно напугаться.

Утром, несмотря на усталость, никто не захотел спать. Все спешили покинуть опасное место, и отойти от него, как можно дальше. Из случившегося сделали вывод: если этого не требует маршрут, вглубь леса не заходить. Но в данном случае, маршрут, как раз требовал этого – им надо было встретить человека, который поведет их дальше.

* * *

В условленном месте к ним вышел мужчина в штатском, лет тридцати. Одет он был как сельский житель, но в глазах светился далеко не сельский интеллект. «Это же сразу бросается в глаза, – подумала Люся, – зачем же он носит такую одежду, только еще более подчеркивающую это не соответствие? Тертый калач!» Она так и сказала ребятам, и все стали между собой называть его «Тертый».

Солнце, словно гигантский желтый сигнал светофора, висело над горизонтом. Люсе показалось оно тревожным, предупреждающим о чем-то, призывающим к вниманию, как и положено символически желтому цвету. Но ведь солнце во время заката всегда такое, почему же сейчас оно настораживало, словно предвещало беду, внушало тревогу и призывало к бдительности. К концу подходил очередной день их длительного перехода, ведь они шли в глубокий тыл.

К концу следующего дня они не думали ни о чем другом, что не имело отношения к утолению их волчьего аппетита. Не стали разжигать костер. Поели холодную тушенку с хлебом, запили водой. Уставшим, измученным жарой и тяжелым переходом, а теперь насытившимся, им больше всего хотелось спать. Они растянулись на теплой земле, ощущая ее мощные токи своими спинами. Довольные тем, что желудок теперь несколько часов не будет их беспокоить, прибавляясь ко всем трудностям и опасностям пути, а энергия жизни заполнит клетки их плоти, они сомкнули глаза, потому что больше всего на свете им сейчас хотелось спать. Но они должны были идти и продолжать свой путь до следующего назначенного пункта.

– Геннадий, – обратился к старшему группы Тертый, – пять минут лежим и встаем.

Совершив над собой титанические усилия, они встали на ноги и сначала нехотя медленно, а потом все быстрее и быстрее, набирая необходимый темп, сверив по компасу направление, пошли по заданному маршруту. Если бы не Тертый, они бы уснули, так велика была сила и власть над ними сна, и кто знает, чем бы окончился этот сон. Когда Тертый убедился, что им удалось прогнать сон, он покинул их, тем более, что уже показалась зубчатая стена леса, в котором они будут в относительной безопасности. Подождав, пока они удалятся от него на определенное расстояние, пошел своей дорогой. Но не прошло и получаса, как услышал рокот работающих двигателей машин, в той стороне, где он оставил юных диверсантов.

Солнце уже склонилось к самому горизонту, а лес, в который они должны были войти, был еще далеко. Ребята перешли дорогу и оказались в небывалой красоте. Густая и высокая трава по пояс была усыпана яркими цветами. Над ними простиралось голубое небо, и все вокруг заливало золотистое сияние солнца. Вдали виднелись подрастающие пушистые сосенки, а за полоской сосенок начинался густой лес. С криками восторга они бросились в эти живописные заросли. Но радость была недолгой. Откуда-то издали послышался шум работающих моторов. И тут из-за поворота на дорогу выскочили грузовики с солдатами. Это было так неожиданно, что они растерялись. Им бы присесть в высокую траву и переждать, но не сообразили и, гонимые страхом, бросились бежать к лесу. На машинах заметили бегущих. И, учувя неладное, погнались на минное поле, объезжая с двух сторон. Раздались первые взрывы, и первые жертвы упали в траву. Останавливаться никто не стал. Все бежали, что было сил вперед. Люся неслась, сбросив с себя автоматически, не задумываясь, рюкзак, как лишнюю

тяжесть, замедляющую бег, как помеху спасению. Она понимала, что каждая секунда может для нее оказаться последней. Мин не было видно, да и присматриваться было невозможно из-за скорого бега. Цветы, трава, песок мелькали перед глазами, словно кадры на экране в немом кино. Тут уж, кому повезет, кого Бог проведет между минами. Несмотря на тяжелое дыхание, она шептала молитву «Отче наш», которой ее научила бабушка еще в детстве, до того, как она стала октябренок. В первое мгновение и не поняла, что спаслась. Только, когда боль от стегających лицо и тело веток, стала невыносимой, она, наконец-то, догадалась, что уже в лесу под прикрытием его густой кроны и поросли. По шуму ломающихся веток, она определила, что не одна добежала до леса. Где-то еще там, в траве, она видела, что впереди ее бежал Гена, а справа Жора, но потом она потеряла их из виду. Люся видела только узкую полоску травы перед собой, в которую все-таки пыталась всмотреться, как будто бы она могла в ней высмотреть мину.

Спустя минуту, ребята подошли к ней.

– Все, оторвались! – выдохнул Гена, – ждем минут десять, может быть, еще кто-нибудь подойдет.

– Врядли. Больше никто не бежал последние метры. Только мы втроем вбежали в лес, – грустно сказал Жорик.

Из травы слышались стоны. Это значит, что кто-то из ребят был еще живой, но спасти их не было возможности. Спасшаяся троица смотрела на поле ужаса, где остались их товарищи. Несколько минут назад они все были живы. Люся сравнивала то, что видела, входя в красоту: изумрудные сосенки, золотистый песок, разноцветные вкрапления бессмертника. А отсюда, как бы с обратной стороны пейзажа, увидела срезанные взрывами стволы. Обезглавленные, надломленные и искореженные, они в печали созерцали на произошедшее. Их оторванные ветки валялись в стороне, в воронках или на возвышенностях песчаных дюн, прикрывая тела. По песку расползались пятна крови. Над травой возвышались фигуры немецких саперов, которые прокладывали себе путь миноискателями. За ними шли солдаты и добивали раненых. Люся уже отошла от бега, который требовал от нее нечеловеческих усилий, от власти опасности, которая мобилизовала все ее внутренние ресурсы, и уже могла чувствовать горечь потерь. Ведь еще пару минут назад, она сама могла остаться там и трезво это понимала, а сейчас, когда спаслась, оплакивала гибель друзей.

Положение оставшихся в живых усугублялось тем, что их обнаружили, а, значит, будут искать. Если раньше они передвигались спокойно по заданному маршруту никем не замеченные, то теперь за ними будут охотиться и им придется быть в несколько раз осторожнее. Затруднялось и выполнение задания, потому что там, в траве вместе с ребятами остались и рюкзаки, а в них продукты, медикаменты, взрывчатка и многое другое, что было необходимо им. Только теперь Люся поняла, что сбросила свой рюкзак. Она похолодела, поняв, что совершила. И, покраснев от стыда за содеянное, направилась назад в траву за своим рюкзаком. Ребята сначала не поняли, почему она возвращается, а когда догадались, в один голос выкрикнули:

– Стой! Ты, что с ума сошла!

– Я должна его найти.

– И даже не думай. Если ты сюда удачно пробежала, минуя смерть, думаешь, и второй раз удастся? Не играй с судьбой. Она дважды подарки не преподносит.

– Но, там же взрывчатка...

– Чтобы там не было, его уже нет. А где вероятность, что твой рюкзак не подорвался на mine? Не страдай, – не дал ей договорить Гена, – сейчас нам надо быстро уходить дальше, пока они не выслали вслед за нами погоню. По содержимому рюкзаков им не трудно было определить кто мы, и они обязательно примут меры, чтобы отыскать нас. И Гена был прав: не только содержимое рюкзаков указывало на то, кто они, но и еще на нижнем белье погибших немцы обнаружили штампы воинской части.

Ребята силой вернули Люсю, порывающуюся идти назад, и углубились в лес по маршруту. На привале их догнал Тертый.

– Не паниковать! Паника на войне, смерти подобна.

Вскоре они обнаружили погоню. Немцы шли цепью. Расстояние между солдатами составляло пять метров. Тертый это знал и хорошо знал эту местность, и ему удалось провести ребят сквозь цепь, среди почти непроходимых зарослей, в которых они прятались.

– Побеждать врага – это наука, а учить вас этой науки времени не было. Имелось в виду, что опыта наберетесь по ходу. Вот вы и набираетесь опыта. Плохо, что вы не думаете об опасности, а о ней надо все время думать, потому что она поджидает вас на каждом шагу. Ее надо предполагать и просчитывать возможность избежать ее. Надо мысленно проигрывать всякие ситуации, и думать: «Как я поступлю». Если бы вы присели в траву, они бы вас не заметили и проехали мимо. Но вы чего-то решили мчаться на виду у врага. Гена, решили, что бегаєте быстрее машин?

– Да, мы не успели ничего подумать. Увидели немцев и рванули.

– То-то и оно, что не успели подумать, а если бы успели, остались бы живы. А теперь вас только трое, но задание не отменяется. Я больше не могу с вами нянчиться, я уже давно должен был быть в назначенном месте. А, когда я туда попаду, наши пути уже не пересекутся, так что надейтесь только на свои головы.

И остались они самостоятельной боевой единицей. По канаве поползли через болото. Хорошо, что их хоть успели научить ползать. Но сухие кочки заканчиваются, и они по пояс увязают в воде. А вокруг болото, болото и болото. Только под утро уставшие, мокрые и замерзшие выбрались на сухую землю. Геннадий сверяет по карте место расположения. Невдалеке проходит ветка железной дороги, и им предстоит заминировать этот участок. Но это надо будет выполнять ночью, а пока они забрались в гущу деревьев на привал. Отжали мокрую одежду, позавтракали и уснули, прикрывшись ветками. Как стемнело, пошли к железной дороге. На подходе Люся и Жору встретил Гена, который пару часов назад пошел на разведку. Он рассказал, где стоят часовые, и указал самое лучшее место для минирования. Минировали так, как их учили. Они бесшумно справились с заданием, и отползли в кусты на достаточное расстояние, чтобы их не задело взрывом. Стали ждать. Им надо было проверить результаты своей работы. Вскоре показался поезд. Как только паровоз наехал на их самодельное взрывное устройство, раздался взрыв, за ним грохот и скрежет полетевших под откос вагонов и крики раненых. Девять вагонов разбились в щепки. В них ехали немецкие офицеры. Они все погибли. Еще несколько вагонов догорали, другие валялись на обочине. Ни одного вагона не осталось целого в составе. Убедившись в действенности своей работы, довольные ушли в болото. Теперь надо было отсидеться там, пока гитлеровцы будут их искать. На карте им был указан путь в глубину болот, где на невидимом со стороны острове, была оборудована землянка. В нее местные партизаны должны были приносить провизию на время их действия на этом участке. На двухэтажных нарах поверх соломы лежали суконные одеяла. Каким образом партизаны знали, что их группа именно сегодня здесь будет, для ребят осталось неизвестным. Но, по тому, что было оставлено молоко и свежий хлеб, еще горячая спеченная на костре картошка, они определили, что знали.

Там, вдали, где начинались болота, слышен был лай собак. Но вода перебивала запах, и они не могли взять след, а, значит, и преследовать их. Немцы поняли, что диверсанты ушли в болота и прислали самолет. Он появился на следующий день. Заслышав гул самолета, ребята убрали все с поверхности земли в землянку. Они отсыпались и отъедались несколько дней. Когда опасность миновала, Гена сказал:

– Пойдем на следующее задание. Только идти тем же путем, что мы пришли сюда, опасно. Нас там могут ожидать немцы. Пойдем другим путем. Мы должны выполнить задания всех групп, коль остались живы.

Он знал все задания, потому что именно он должен был всем их рассказать и раздать карты в определенной точке. Но до этой точки дошли только они трое. На картах тех групп были указаны другие тропинки, видно местные жители хорошо знали эти болота. Гена решил их использовать, чтобы запутать следы. Он пошел на разведку местности, а Люся с Жорой остались недалеко от берега под прикрытием болотной растительности. Договорились: если через час Гена не вернется, значит, опасности нет, и они могут идти к полотну. Гена через час не пришел, и ребята двинулись в путь. На этом участке задание было сложнее. Здесь надо было пробраться к мосту и взорвать его. Мост охранялся серьезно. По заданию заложить взрывное устройство надо было на середине моста, куда пробраться было невозможно. Единственный путь был через реку по воде, а потом подняться вверх по ферме. Но как проплыть, чтобы не замочить взрыватель. Стали думать. Вадим удивлялся непродуманности задания там, в Москве. Разве они не могли предвидеть, что мост будет охраняться. Могли. Тогда почему не подсказали, как лучше выполнить это задание, как сохранить сухим устройство. Но, так или иначе, а все это они должны придумать сами, для того они и диверсанты. Вот это и являлось тем «остальным», о котором всегда повторял майор: «Остальное – решайте по обстоятельствам». Гена ни подавал вида ребятам, что не знает, как это сделать, и напускал на себя важность.

– Объявляю конкурс на лучшее предложение по сохранению в сухости устройства.

– А какой будет приз? – по привычке спросила Люся, ведь на конкурсах всегда бывали призы.

– Отдаю свою картошку.

Ребята сосредоточились, но ничего путного им в голову не приходило. С собой у них не было ни резины, ни чего другого, не пропускающего воду.

– Надо найти резиновый сапог или бот, – сказала Люся.

– Но для этого надо пробраться в населенный пункт. Боты под деревьями не валяются и на болоте не растут, – съехидничал Жора.

– А, пожалуй, она права. Другого у нас выхода нет... бот, сапог или резиновое ведро, какие бывают у шоферов. Придется тебе Люся идти в деревню.

Геннадий разложил карту. И указал на самую близкую. Она была в трех километрах от моста. Он проложил ей маршрут на карте.

– Запомни хорошенько. Пойдешь без карты. Что сказать, придумаешь по обстоятельствам. Мы будем тебя ждать здесь.

– А, если я вернусь завтра или послезавтра. Все равно ждать тебя будем здесь. Без тебя мы не можем выполнить задания.

Люся уже сильно устала, а деревня на ее пути не попадалась. Увидев вдалеке овраг, она пошла к нему, в надежде лечь и немного отдохнуть. Овраг ее скрывал от прохожих и проезжих, и она могла спокойно, не опасаясь, что ее обнаружат, отдохнуть. Впервые за последние дни ее отпустила тревога, спало напряжение, и она не заметила, как уснула. Да, так крепко уснула, что проснулась поздно вечером, когда было уже темно. Она вышла на дорогу, по которой шла до этого и продолжила свой путь. На рассвете показались дома небольшой деревушки. Как же ей найти боты или сапоги? Это же надо наблюдать, кто в них пройдет, а потом залезть в дом и украсть. Этот вариант ей не подходил. Во-первых, на наблюдение уйдет много времени, во-вторых, на краже ее могут поймать. А, главное, ей надо узнать, есть ли в селе немцы. По мере того, как восток окрашивался розовыми лучами восходящего солнца, селяне просыпались. Петухи уже пели третий раз, когда село оживилось, и по дворам засновали хозяйки и заспанные ребяташки погнались за скотом. Ни в одном дворе немцев не было. Это уже было хорошо. Теперь надо было пройти и, посмотреть, у кого есть удочки, у того есть и сапоги. Речка рядом, значит, и рыбаки должны быть. Люся решила, что пойдет попрошайничать. Тем, кто интересовался ее судьбой, объясняла, что она беженка, отстала от семьи и теперь скитается по селам. Живет там, где ее принимают. Надеется догнать свою родню. Она видела удочки и ни в одном дворе,

а во многих, но решила обойти все село. А пока обходила, думала, как напроситься в дом с удочками. В самом конце улицы, которая спускалась к реке, жил одинокий старик. К нему и напросилась Люся в постояльцы, пообещав ему помогать по дому. Дед Трофим согласился ее принять. Приготовив завтрак, она принялась за уборку, ведь ей надо было обнаружить сапоги. Но в доме сапог не было. А должны были быть, не босиком же дед ходил на речку рыбачить. Она стала под теми или другими предлогами, заглядывать в сараи, и в одном таки обнаружила сапоги. Она, наконец, успокоилась, понимая, что задание можно считать выполненным. Взять их ночью и унести, ей не составит труда. Только вот совесть ее мучила. Никогда в жизни она не воровала, а теперь придется. Лучше бы попросить. Она была уверена, что дедушка бы отдал сапоги, зная, зачем они понадобились, но она не имела права разглашать военную тайну. У нее настолько беспокойно было на душе, что сон не шел. Дождавшись, когда хозяин крепко уснет, вышла во двор. Тихонько прошла в сарай, взяла сапоги, завернула их в свою кофту, и пошла со двора. Назад она решила идти не по дороге, а вдоль реки, ведь это та самая река, мост через которую они должны взорвать. Ей показалось, что этот путь короче, и она быстрее доберется до ребят. Если она успеет к темноте придти, то они уже этой ночью и взорвут. Поэтому она не стала ждать рассвета. Вдоль берега вела тропинка, и Люся почти бежала по ней, чтобы побыстрее оказаться на месте. Она была уверена, что река ее выведет к мосту. Было полнолуние, и луна светила так, что Люся различала под ногами даже мелкие веточки. Она хорошо ориентировалась в пространстве, и целеустремленно шла вперед. Довольная собой, своей удачей, потихоньку напевала. Все волнения и сомнения остались позади. Немцев в деревне не оказалось, сапоги она нашла быстро, и вот уже несет их. Значит, это задание они тоже выполнят с честью. Наступало утро. Розовые барашки облаков бежали по небу. Река была совсем не широкая. С топкими берегами, с уютными заводями. Люся подошла к самому берегу, зачерпнув воды, умыла лицо, сполоснула руки. Река казалась совсем неподвижной, и лишь по движению зеленых водорослей можно было определить, в какую сторону течет вода. Жирные длинные водоросли полегли на дно и медленно, едва заметно шевелились. Вдоль берега стояли старые ивы. Они макали свои ветви в воду, словно пришли на водопой. Зеленые волнующиеся косы водорослей на дне и эти на поверхности, словно отражали друг друга, и было между ними что-то общее, что-то объединяющее, но Люся не могла уловить что. Освежившись, она поторопилась дальше.

Только когда солнце перевалило за зенит, позволила себе присесть и перекусить. Ей необходимо было отдохнуть, чтобы с новыми силами преодолеть остаток пути. Подкрепившись, вошла в речку и немного поплавала. Здесь, вдалеке от селений, было совершенно пустынно. И она подумала: что, может быть, и не было войны? Может быть, ей это все приснилось? Стоит такая, никем и ничем не нарушаемая, тишина, что она даже слышит полет бабочки. А какое голубое небо! И какие беззаботные белые барашки по нему бегут и отражаются в прозрачной прохладной воде! Она вспомнила, как в детстве, впервые увидев отражение облаков на воде, решила, что они спустились с неба, чтобы тоже скупаться, потому что им жарко на небе. Она улыбнулась этому воспоминанию, подумав о том, насколько все буквально воспринимается в детстве. Сейчас она знает, что эти облака, которые зачерпывает ладонями, не облака, а всего лишь их отражение. Иллюзия! Но ведь, когда не знала, думала... значит, все зависит от знания. А что она еще не знает, и принимает иллюзию за действительность? Но вдруг ее такие мирные рассуждения нарушил доносящийся с запада и нарастающий с каждым мгновением гул. Ей стало так страшно, что она скрылась под водой. Прямо над ней пролетели немецкие самолеты. Они полетели бомбить советские города и села, а она прохлаждается в реке. Не дав себе обсохнуть, надела на мокрое тело белье и платье, и быстро пошла. Только теперь она подумала, что по времени мост уже должен был бы быть. Она сравнила время, затраченное на дорогу в деревню и обратный путь, и поняла, что она уже прошла больше. Но моста на своем пути не встречала. Неужели это не та река? Так не может быть! Ни какой другой реки в этой местности

не было. Но Люся не знала, что дорога, по которой она шла в деревню была относительно прямой, а речка петляла. Идя по берегу, она не могла это заметить. Когда совсем стемнело, она отчаялась. «Самодовольная дура! – бичевала она себя – обрадовалась, что задание выполнила. Ну, и где ты его выполнила? Что с того, что сапоги у тебя в руках, а мост где, а ребята где?!» Уставшая, злая на себя, она упорно шла вперед, не давая себе отдыха. Спотыкалась, падала, поднималась и опять шла вперед, напряженно всматриваясь вдаль: не покажутся ли очертания моста. И вот в сереющем предрассветном небе, она увидела что-то, наподобие арки, над водой. Это сооружение могло быть мостом. Чем быстрее она шла, тем отчетливее становились линии. Да и небо светлело. Теперь она точно была уверена, что это мост. Последние метры, несмотря на усталость, бежала. Но мост был, а ребят не было. Люся решила, что ребята отлучились, и к вечеру придут.

Она не заметила, как уснула. Уснула, словно упала в глубокую пропасть, без всякой подготовки ко сну, без каких бы то ни было мыслей. Это был тот случай, когда нервная система, переутомленная накануне массой раздражителей, сама приняла решение, подчиняясь инстинкту самосохранения. Проснувшись также внезапно, как и уснула. Солнце уже скрылось за горизонтом, и наступили сумерки. Ребята вот-вот должны были подойти. Но, ни в этот вечер, ни в следующий, ребята не появились. Дорогу через болото к острову, где находилась их землянка, она не запомнила, надеясь на Гену. А там остались ее вещи и продукты. Прождав мальчиков еще один день, она решила возвращаться домой. Люся не могла понять, что случилось с ребятами, но то, что они больше не придут, она поняла. Голодная, расстроенная, без документов, которые остались в сброшенном на «поле ужаса», как они теперь называли минное поле, рюкзаке и теплых вещей, она пошла на восток. Наступала осень с холодными ночами и дождливыми днями, с мокрой землей и грязью по колено. Единственное утешение, что у нее были резиновые сапоги, хоть и на три размера больше.

* * *

Перебирая в памяти эпизоды из своего хождения в тыл, она подытаживала виденное. Перед глазами вставали страшные приметы войны. Голод и руины. Свирепый скрежет металла, рычание пушек, завывание бомб и мин, свист пуль. Тошнотворный запах пожарищ и разлагающихся трупов. Кровоточащая скорбь сердца, теряющего ежедневно друзей и просто соотечественников. Но даже все это не могло погасить в ней жажду жизни. Ей хотелось жить, жить наперекор врагам, жить, чтобы сокрушить коричневую чуму. За это погибли ее товарищи, и она с новой силой будет мстить врагам за загубленные их молодые жизни. Их уходило двенадцать человек, а возвращается она одна. Пусть от ее мести содрогаются фашисты, как содрогаются они от русских «катюш». А немцы уже, в первые месяцы войны, столкнувшись с «русские партизан», боялись их, как черт ладана. Только бы ей добраться до своих, и по дороге не попасть в лапы фашистам.

Стараясь быть, как можно незаметней, Люся шла дворами, выходя на улицы лишь при необходимости. Она шла в тени домов, от парадного к парадному, внимательно прислушиваясь и оглядываясь по сторонам. Понимала, что действует довольно неосторожно, что любой немецкий солдат может заподозрить ее и остановить, но поступить по-другому она не могла. Бежать прямо, без оглядки на явку было еще опасней. Ведь ей не сообщили условные знаки на случай провала или какие-нибудь ориентиры, только пароль. Так что шла Люся наугад: авось минет ее несчастье, и все будет благополучно. Да, и выхода другого у нее не было. Это было единственное место, куда она могла придти на этой земле, оккупированной фашистами. Явка эта была секретная. Сообщил ее ей майор в самый последний момент перед выходом, и позволил воспользоваться ею в самом крайнем случае. Для нее как раз этот случай и наступил.

До нужного дома дошла без помех. Ни единого человека не встретила, ни единого патруля. Город как будто вымер, как будто все живое стремилось спрятаться и найти себе укромное убежище. Так бывает накануне большой беды, и Люся уже подходя к дому, почувствовала всем своим существом холод надвигающейся беды. Но что-то менять уже было поздно. Она стояла у нужного окна. Подняв руку, постучала условным стуком. За углом скрипнула открываемая дверь, и она, обойдя угол дома, шагнула в темноту коридора. Тревожно защемило сердце.

– Утро доброе. Мне бы хозяина.

Ответ: «Хозяина нет. Я за него», но ей ответили:

– Я хозяин.

Сердце ухнуло куда-то вниз, в самые пятки, и не хотело возвращаться на место. Люсе стало тяжело дышать, ей не хватало воздуха. Она поняла, что явка провалена, но еще на что-то надеялась.

– Я беженка. Отстала от родителей и теперь иду одна. Мне бы погреться.

– Документы.

– Нет у меня документов. У родителей остались.

Ее пропустили в комнату, а там, как она поняла, сидел хозяин, который слышал пароль. Он глазами показал ей, что дело плохо, их арестовали. Хозяина, парня, девушку и Люсю повели в участок.

– А за что меня в участок? – пыталась сопротивляться она.

– За то, что нет документов. До выяснения личности.

4.

Катя не ушла прочь, как посчитал Константин. Она стала за кусты, чтобы проследить, придут ли за ним, и состоится ли встреча. Ей надо было быть уверенной, что все будет в порядке, что ее Костя в безопасности, ведь всякое может случиться. Она вслушивалась в тишину и всматривалась в темноту, оглядывая местность. Выдерживая интервал, пошла за ним по тропинке, чтобы убедиться, что его встретили. Катя скорее догадалась, чем услышала, что встретившееся обменялись паролем, и пошла домой, повторяя: «Костя должен прийти! Костя должен прийти!» Они виделись всего-то ничего, а он оставил след в ее душе. Пока она не знала, насколько глубоким окажется этот след, но то, что он наметился сладостно-тревожным ощущением на сердце, чувствовала всеми фибрами своей души. В первую минуту их встречи, ее поразили его серые, светящиеся радостью и каким-то внутренним светом, глаза. Он был так рад, увидев ее, как будто они старые знакомые и просто давно не видались. Да, не просто рад – он был счастлив. Именно, счастлив. Это она поняла только сейчас, так тогда и не определив свет его глаз. Они светились счастьем!

Конечно, это можно было классифицировать, как счастье, голодного изможденного человека, бродящего несколько дней в одиночестве в обнимку с безысходностью и встретившего свое спасение. Но это было другое счастье, другое его выражение. Это было счастье влюбленного человека, встретившего, наконец-то, свою любимую. Может быть, и правду говорят о двух половинках?! Может быть, именно такое и бывает, когда люди встречаются свою половинку?! Может быть, и ее глаза светились таким же счастьем?! Но то, что сейчас блаженная улыбка сияла на ее лице, а приятное тепло разливалось по всему телу – это она видела. Что, что, а влюбляться точно не входило в ее планы, да и задание у нее совсем другое. Ей еще может влететь, за то, что она использовала явку, на которую имела право явиться только в экстренном случае или случае провала, чтобы скрыться. Но она решила, что спасение человека, мужественного солдата, стойкого черноморского моряка, стоит порицания или даже выговора. В конце концов, может быть, ей самой совсем не понадобится эта явка, и она в случае необходи-

мости сможет сама уйти от преследования, скрыться. Она даже не знает, когда это будет и будет ли? Ведь идет война, и опасность подстерегает на каждом шагу. А этому сероглазому морячку она должна была помочь. Катя вспоминала счастливые серые глаза, окаймленные светлыми ресницами, что являлось признаком доброжелательности и мягкости характера, но в то же время высокие широкие скулы и твердый раздвоенный подбородок, говорящий о мужестве и храбрости.

Приход немцев Екатерина Каверина встретила не то, чтобы радостно, но лояльно, а вот Тася – настороженно. «Вот он, какой этот враг, как ее учили, коварный и хитрый». Но она заметила, что он был еще самоуверен и нагл. Немцы совершенно не боялись тех, на чью землю пришли непрошенными гостями, завоевателями и в первые дни носились по улицам и потрошили дома жителей на предмет съестного. Ее шокировало их поведение. «Их, что не кормят? – спрашивала себя Катя. Ведут себя, как племя дикарей! И нас совершенно не боятся, а ведь они на чужой земле и нас больше, чем их. Почему же они нас не боятся?» Она быстрее, чем ожидала, узнала ответ на этот вопрос, столкнувшись лицом к лицу с врагом.

Катя почти никого не знала в городе, так как никогда до сих пор не бывала у тети, за исключением тех, с кем успела познакомиться, помогая в райкоме комсомола. Познакомилась она и с соседкой, молодой матерью троих детей. Оксана любила поговорить, обсудить последние новости, а, так как она многих знала, то Катя была осведомлена почти обо всем, что происходило. Ей не мешала, а наоборот помогала разговорчивость соседки. После первого же дня нашествия немецких орд на хозяйства жителей, последние ночью же закопали в погреба и ямы все, что немцы не унесли в первый день. Катя помогала Оксане закапывать картошку у себя на огороде. «Надо сделать несколько схованок, – говорила Оксана, – что-то найдут, а что-то и нам останется». Она была очень озабочена проблемой питания своих малышек. На второй день пришествия новая власть приказала всем зарегистрироваться на бирже труда. Откуда-то сразу появились полицейские с белыми повязками на руках, которые ходили по домам со списками и покрикивали на жителей. Катя не могла пойти на биржу. Ей нельзя было рисковать быть посланной на другую работу. Ей надо было в лагерь, поэтому она уходила из дома через поля в лесопосадку. Костя ей рассказал о балке и об источнике, и она могла целыми днями лежать на дне балки и читать. Она мысленно себя готовила к работе в логове врага, обдумывала всякие ситуации, и как она будет себя вести. Иногда она просто ложилась на спину, смотрела на высокое недостижимое небо и думала о том, что, может быть, на этом месте лежал Костя и так же, как и она смотрел на это же небо и мечтал. О чем он мог мечтать? Наверное, дойти до жилья, покушать, переодеться и добраться до своих. Думал ли он, что встретит ее, как она уже теперь считала, свою половинку? Перед глазами всплывало его лицо, теплое пожатие рук, и на душе становилось так сладко, как никогда еще в жизни. Неужели это любовь? Она еще не верила в свое счастье, в то, что встретила, наконец, то, чего так долго ждала. Но она уже пришла, такая неожиданная и такая страстная. Затопила ее своим половодьем так, что ей трудно было дышать. Ни один из парней, с которыми она встречалась до сих пор, не смог вызвать у нее такое ощущение. Никогда не появлялся в ней такой особый трепет, который даже словами объяснить не возможно. И к этому необъяснимому трепету, и к этой несказанной сладости примешивалась боль, боль разлуки. Как она теперь жалела, что не поцеловала его, что сдержала свое внезапно нахлынувшее чувство. Ей стало страшно оттого, что, встретив свою любовь, прошла мимо. Ей хотелось сейчас прижаться к нему всем телом, ощутить его близость, испить чашу счастья обоюдной любви... но они, скорее всего, никогда больше не встретятся. Он ушел туда, где полыхает пламя войны, где взрываются бомбы, где человек уничтожает человека. Зачем? Неужели на Земле есть что-то ценнее, чем жизнь? Неужели какая-то цель может оправдать убийство? Как же тогда, когда он был рядом, она не подумала об этом? В те тревожные часы, принимая решение помочь незнакомому солдату и беспокоясь об его безопасности, Катя ощущала биение своего сердца, она слышала нежную песню души, но еще не

осознавала причину своего такого состояния. Кроме того, она была поглощена важной работой – она помогала советскому солдату переправиться через линию фронта, и долг был превыше всего. Это уже потом, когда он ушел, она сначала догадалась, а потом поняла, что это пришла любовь. Та загадочная и волшебная любовь, о которой она читала в книжках, и которую так мечтала испытать. Она вспоминала красивый жесткий рисунок его губ и мысленно прикасалась к ним своими, и ощущала тепло и упругость, как будто бы она целовала их на самом деле. А, может быть, он и оставил ей здесь, где он был всего несколько дней назад свои губы? Развесил их на ветках, зная, что она сюда придет. Ходи и целуй! И она целовала воздух так самозабвенно и так упоенно, как никогда еще в жизни никого не целовала. Этот воздух обнимал его, а теперь она обнимает воздух. «Любовь моя, неожиданная, – горячо шептала она, – приди ко мне еще раз, я не останусь недоступной. Я отдам всю себя, я растворюсь в тебе, я изопью тебя до дна!» В эти дни, здесь на дне живописной балки она забывала о войне, о врагах, с которыми призвана бороться. Здесь не было войны. Здесь был ее мир, наполненный любовью и воспоминаниями. Она вспоминала, как недовольна была своим именем, и спрашивала у бабушки, почему ее так назвали и почему бабушка всегда называет ее Таей, а не Тасей.

– Почему Тая, Таисия? Есть же красиво звучащие имена, например Лариса или Людмила, как в «Руслане и Людмиле», или Татьяна, как в «Онегине»?

– Тая – тау восходит к глубокой древности. Форма буквы «тау» латинского алфавита соответствует древнейшему знаку – анх, что означает жизненную силу. Это жизненная сила заставляет все расти, кристаллы сиять ярче, цветы благоухать, плоды созревать быстрее, а в людях – вспыхивать любовь. Твое имя будет придавать тебе силы, а сильные люди всегда могут использовать свою силу, чтобы помогать слабым, исцелять их. Твоя доброта, духовная чистота и свет будут сильнее, чем влияние темных сил и никто не сможет принести тебе вред до тех пор, пока ты не решишь пожертвовать собой... А разве это не жертва?

И она впервые связала этот давнишний бабушкин рассказ со своим выбором. Чтобы исцелять людей, она пошла учиться в медицинский, чтобы защищать их – в разведчицы. Получается, что она соответствует букве своего имени, она живет по его программе. Как это никогда не приходило ей в голову! Она мысленно вернулась к тому разговору с бабушкой. Интересно, что еще нового она найдет в той беседе, чего не заметила тогда, и что так явственно проступает теперь.

– А Таисия или коротко – Таис не менее легендарное имя, чем Людмила или Татьяна. Была Таис Египетская, Таис Афинская.

– Ну, да! Обе развратницы! Ох, как легендарно!

– Развратницей была Египетская, но ведь она потом одна из первых приняла христианство, а Афинская была гетерой. Слово «гетера» в переводе означает «подруга», «товарищ». Они не считались женщинами легкого поведения, потому что они были умнейшими и образованнейшими, и были не только сексуальной услугой для мужчин. Секс для них был не столько физическим удовлетворением, сколько искусством. Они были достойными собеседницами самой любой изысканной мужской компании. Они не только развлекали, утешали, но и образовывали мужчин, щедро делясь с ними своими знаниями. Нередко государственные мужи пользовались советами гетер, даже Александр Великий. И она была достойной подругой великого полководца.

Бабушка так увлекательно рассказывала об умной, красивой и идеально сложенной кри-
тянке, что захотелось быть похожей на нее. Она также мечтала очаровать своего «принца» силой, выносливостью и в то же время, нежностью, лаской и глубокими познаниями. Она полюбила свое имя, стала гордиться им и во всем старалась быть похожей на Таис Афинскую. И тут она вспомнила греческое приветствие «Хайре!» – «Радуйся!», по нашему: «Здравствуй!» и сопоставила с немецким «Хайль Гитлер!» И, все-таки она не могла полностью отдаться воле чувства, раствориться в свих ощущениях и плыть по воле волн, потому что над всем этим: над

ее любовью, над теплым осенним днем, залитым прощальными лучами солнца, как дамоклов меч висела свастика, а воздух был наполнен лающей фашистской речью. Она хотела любви и хотела Победы. Но осуществить эти два желания невозможно – только одно. Она испытывала мучительные страдания и колебания между противоположными стремлениями: задание или счастье. К сожалению, вместе они не могут сосуществовать. Ее сердце было полно желания, и разум искал выход: как совместить и то, и другое. Как только она приходила в город, ее мысли возвращались в прежнее русло. Лихорадочный жар любви охлаждала, маячившая перед глазами свастика.

«Но причем здесь свастика, – думала Тася – Катя, – какое отношение она имеет к войне, к ее захватнической алчности и ко всему из нее исходящему: к бесчеловечности, жестокости, варварству?» Ей бабушка совсем другое рассказывала о свастике. Она была дворянкой, но скрывала свое происхождение так же, как и скрывала свое мировоззрение. Свою позицию она объясняла внучке: «Да, мои убеждения не совпадают с тем, что насаждается сейчас. Убеждения советского человека сиюминутны, они временные. Поменяется власть, и придут другие убеждения, но человек всегда должен мыслить вселенскими масштабами, – и добавляла, – настоящий мыслящий человек... Личность. И у тебя есть все задатки стать Личностью, поэтому ты должна знать общемировые ценности, которые в ваших советских книгах не найдешь». Но, несмотря на антисоветизм своего характера и мышления, она не переубеждала, и убедительно просила Таю, как она ее называла, строго хранить тайну их занятий, и ни с кем не делиться своими знаниями. «Они должны быть глубоко в тебе, помогая тебе жить и правильно воспринимать действительность и все, что вокруг тебя происходит. Они должны тебе помогать ориентироваться в жизни» – объясняла значимость преподносимых ей знаний. О свастике она говорила, как об очень древнем символе.

– Было время, когда крест и круг был универсальным и многими был принят, как эзотериками, так и экзотериками. Стоящий всегда имеет возможность передвигаться только по четырем направлениям: вперед, назад, вправо и влево. Если эти направления ориентировать по отношению к Солнцу, то получится четыре стороны света: север, юг, запад, восток. Если человек станет прямо и широко расставит руки, то он являет собою крест и число четыре – символ Солнца. С солнцем не только древние, но и мы связываем плодородие и возможность проявления жизни. В древности человека приносили в жертву Солнцу, распиная на кресте. Крест уходит своими корнями вглубь неисчислимых архаических времен. Его находят повсюду: и на островах Пасхи, и в Древнем Египте, и в Средней Азии. Он высечен на скалах, на стенах гробниц фараонов, как Тау и как крест Гермеса, как астрономический египетский крест и как свастика. Его знало человечество задолго до появления христианства. Символ Духа и бессмертия всегда изображали кругом. Например, египетский скарабей – это шар – круг с добавленными к нему двумя крыльями. В Европе к четырем линиям креста добавили по отрезку перпендикулярному к каждой. Это тоже была свастика.

Тася помнила из бабушкиных рассказов, что свастика обозначала «десять тысяч истин». Эти истины принадлежали к тайнам Невидимой Вселенной и первозданной Космогонии. В умах древних философов с формой круга всегда было связано нечто таинственное и божественное. Круг – это есть вечная, никогда не прекращающаяся эволюция. Эволюция, которая все время, двигаясь по спирали в своем развитии, возвращается через определенные циклы к своему изначальному состоянию – Абсолютному Единству. Этого возвращения она никак не могла понять. Зачем все возвращается? Ведь мир должен двигаться вперед и только вперед. А бабушка ей говорила: «Ты просто не можешь это принять, потому что еще мало знаешь и у тебя еще маленькие и слабые крылья. Вот наберешься мудрости, окрепнут крылья, и ты взлетишь над земным и приземленным, и окинешь мудрым взглядом вечность, вот тогда и увидишь, что все возвращается на круги своя, а круг указывает на кругообразное замкнутое движение,

на вращение, на периодичность. С ним ассоциируют колесо времени. Крест же – это символ четырех сторон света, четырех стихий».

Еще бабушка говорила, что все во Вселенной, так же, как и сама Вселенная создается ускоренным Движением периодически в течение времени. Ускоренное же Движение приводится в действие Дыханием Вечно-Непознанной Мощи – не познаваемой пока еще для современного человека. Поэтому, круг – так же есть символ Духа и Бессмертия. Отсюда змея, кусающая свой хвост, обозначает Круг Мудрости в Беспредельности. Как же Тае было интересно услышать Дыхание этой Мощи, почувствовать ее. Может быть, ветер и есть это дыхание. И она как-то спросила у бабушки:

– А ветер – это Дыхание Мощи?

– И ветер, и звезды, и облака и мы с тобой – Дыхание этой Мощи – оно во всем, что движется и развивается.

– Значит, мое дыхание сливается с Дыханием мощи?

– Оно и есть ее Дыхание.

И, хотя она не все понимала в бабушкиных уроках, но всегда с радостью их воспринимала, потому что каждый раз узнавала какую-то тайну, которая будоражила ее и которую она пыталась разгадать. А, так как бабушка опять отправляла ее набираться мудрости и наращивать крылья, она садилась за уроки и учила школьные предметы так, чтобы они придавали крепость крыльям. Вспоминая бабушкины уроки, Катя подумала о том, что сейчас к созидающему жизнеутверждающему Дыханию Мощи, добавилось зловонное дыхание смерти и разрушения. Бабушка говорила ей, что свастика является очень древним символом, но, что же она символизирует на их военной атрибутике? Совсем не то, что в нее было вложено первоначально. Так, что же они все-таки хотят показать миру своей свастикой?

* * *

Однажды вечером, когда Катя вернулась домой, пришла Оксана, живущая по соседству.

– Сегодня приходил полицейский и спрашивал, кто живет в этом доме. Я сказала, что хозяйка эвакуировалась, но осталась ее племянница. Он предупредил, что если ты не придешь на биржу, тебя заберут силой и угонят в Германию.

Не ожидая утра, Катя собрала побольше еды и ушла в балку. Теперь ей придется жить там, пока где-нибудь в округе не появится лагерь. Она пекла на костре картошку и свеклу, как это они делали в студенческих походах, и даже варила суп из крупы, и кашу. Она бродила по лесопосадке, подходя к ее краю, и изучала местность. Там, где городок примыкал к полям совхоза, в здании бывшей свинофермы, немцы организовали лагерь. Большой участок земли вокруг фермы, они обнесли колючей проволокой и согнали туда пленных. Это было то, что нужно Кате. Она ночью вернулась домой, помылась, привела себя в порядок и утром отправилась в контору лагеря.

По дороге думала о том, что сейчас она сама идет во вражье логово и глаза в глаза встретится с врагом. Сможет ли она скрыть ненависть, которую питает к ним? После гибели отца она рвалась на фронт, рвалась, чтобы убивать. Там не надо было скрывать свою ненависть. А сейчас она идет не убивать, она идет к ним «наниматься на работу, чтобы заработать кусок хлеба».

Молодой голубоглазый офицер встретил ее доброжелательно, что ей было очень удивительно: как, вообще, враги могут проявлять друг к другу доброжелательность. Она растерялась, но тут же одернула себя: «Не забывай, ты не враг, ты пришла к ним работать, как союзник». Она заставила себя улыбнуться. Офицер ответил ей улыбкой, и почти на чистом русском спросил:

– Кем вы хотите работать?

– У меня неоконченное высшее медицинское образование. Я бы хотела медсестрой, но пойду на любую работу.

– Ваши документы.

Катя протянула паспорт. И тут доброжелательная улыбка офицера сменилась на лукавую:

– Вы не Катя и паспорт этот не ваш!

«Что он увидел такого в моем паспорте, что заподозрил меня в обмане?» – спрашивала себя Катя, но никак не могла понять. У нее потемнело в глазах, и земля ушла из-под ног. Чтобы не упасть, она ухватилась за спинку стула и в этот момент, услышала скрип открывающейся двери. Офицер быстро спрятал ее паспорт во внутренний карман кителя, а ей официально и даже почти грубо крикнул:

– Подождите меня во дворе.

Она вышла еще, не понимая, что произошло, но, чувствуя, что попала под подозрение, а ведь она еще ничего не сделала. Ее не проверяли, никто не спрашивал, откуда она и почему хочет работать в лагере, как она, уроженка Изюма, попала в этот город. Что он знает такого, чего не знает она о своем паспорте? Что он увидел в нем, что сразу понял, что это не ее паспорт? Ей стало страшно, но она прогоняла страх, убеждая себя, что нет причины бояться. Она ничего еще не сделала такого, за что немцы могли бы ее наказать. Но страх противно заползал под кожу, порождая мелкую дрожь, которая время от времени пронизывала тело. «Так ведут себя виноватые, – упрекала она себя в слабости, – ты ни в чем не виновата... ты ни в чем не виновата... возьми себя в руки и перестань дрожать». Она вспомнила слова майора Травкина: «Не бережете вы себя совсем там, за линией фронта. Что-то вы там не учитываете, раз проваливаетесь. Не для того мы вас тут так старательно готовим, чтобы немцы в вас сразу распознавали разведчиц!» Это он говорил к тому, что ушедшие в тыл две девушки, не вернулись в положенный срок, а это значило провал.

Она сидела уже больше часа на пеньке срубленного дерева, а немец все не выходил. Наконец-то, он появился в двери и направился к Кате. Она поднялась, пряча руки за спину, чтобы они не выдали ее. Она так и не смогла побороть страх, и руки предательски дрожали. «Вот и все, разведчица ты хреновая! Тебя учили, как стрелять, взрывать, а как бороться с собственным страхом тебя не учили. И что ты ему сейчас скажешь, если он заметит дрожь. Чего ты испугалась? Ведь тебя никто не пугал?!» Она попробовала улыбнуться, но это движение было пародией на то, что хотела она изобразить. И это видел начальник лагеря. Ему стало жалко девушку. Подай она свой паспорт кому-то другому, ее бы уже сейчас пытали. Она боится и знает, чего боится.

– Катя, мне жалко вас. Я удивляюсь тупости ваших учителей и их не профессионализму.

Сколько вам лет? Судя по этому документу – двадцать. Паспорт вы получаете – в шестнадцать. Он у вас уже четыре года. За эти годы вы не один раз показывали его в разных инстанциях, не один человек его должен был брать в руки, проверяя ваши данные, а он выглядит, как только что вышедший из типографии. И на этом «сгорают» все ваши разведчики.

Он видел, как, слушая его, белеет лицо девушки, и ему показалось, что она вот-вот потеряет сознание. Он поспешил ее успокоить.

– Благодарите Бога, что вы показали его мне. Успокойтесь. Я вас не выдам. Я до войны учился в Москве. У меня много там друзей, и я не хочу воевать против них, против Советского Союза. Но я гражданин Германии и я призван на войну, и, как солдат, должен быть в армии. Я сейчас вам отдам ваш паспорт, вы основательно его потрите грязными руками, прежде чем будете показывать впредь. Если не передумали здесь работать, приходите ко мне завтра... с грязным паспортом, – и он протянул Кате злосчастную паспортину, которая чуть не стала причиной ее гибели.

Она вытащила из-за спины руку и протянула за документом. Рука все еще дрожала, так как она не могла отойти от пережитого потрясения. Оказывается все так просто – провал им готовили еще в органах и не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы перехитрить врага, и не надо иметь смекалки и мужества, воли к победе и стойкости к переносимым лишениям, надо всего

лишь показать врагу свой паспорт. Непостижимо! Как все просто! Она не помнила, как вышла за ворота лагеря, как оказалась в балке. Только там, в безопасном месте у нее подкосились ноги, и она рухнула на траву. Она даже плакать не могла. До темноты лежала, уткнувшись в траву лицом. Что это было? Провал или волшебное освобождение? Что надо этому зондерфюреру Гелену? Отпустил он ее или будет преследовать? А, может быть, он собирается ее перевербовать? Вопросы метались в воспаленном мозгу, больно пронзая его, словно раскаленными иголками, пытаясь получить у него ответы, но ответов не было. Она не знала ни одного ответа. Что ей делать дальше? Как поступить? Вернуться и признаться в провале? Нет, только не это, это смерти подобно, лучше умереть в их застенках. Придти завтра к Гелену, как он предложил? Не отступать и идти по уже намеченному пути? Мысли путались, ничего определенного она не могла решить, и лежала обессиленная, как высосанная пустышка. Ноги и руки не слушались ее, и не было сил пошевелить ими, а ведь ей надо испачкать этот злосчастный паспорт и все остальные бумажки, которыми ее снабдил майор. Знал бы он, на чем горят наши разведчицы. А ведь его надо предупредить, вдруг мелькнула одна из полезных мыслей. Эта мысль была определенной, конструктивной и призывала к действию. Надо идти на конспиративную квартиру, и все рассказать. И надо это сделать, как можно быстрее, может быть, сейчас, кого ни будь, отправляют в тыл с таким документом. Откуда взялись и силы. Катя немного испачкала руки об землю и потерла свой паспорт, чтобы сделать страницы не такими яркими и сияющими. Как только они немного потускнели, она отправилась в путь.

– Что-то ты часто захаживать стала, – встретил с недовольством ее Петр.

– Я чуть не сгорела. Меня предупредили, что нельзя носить новые документы, что всех, у кого они есть, арестовывают. Передайте это капитану Травкину. А я устроилась работать в лагерь, пока прачкой.

Она удивилась своей лжи, которой никогда в себе не предполагала. Что с ней произошло за те несколько часов, пока она была в лагере? Откуда такая изворотливость и смекалка?

Она не стала подробно рассказывать, что с ней случилось, справедливо предполагая, что ее могут заподозрить в перевербовке и отстранить от задания или, вообще, убрать. И как она сообразила сказать про прачку? И правильно: прачки всегда нужны и здесь большая вероятность, что ее возьмут. Ну, а, если возьмут медсестрой, скажет, что потом перевели, узнав об ее медицинском образовании. Вот так вдруг все решилось, и она нашла ответы на вопросы, так мучившие ее, еще несколько часов назад.

Она имела право на свободное перемещение по лагерю, но не злоупотребляла этим, не очень-то доверяя Гелену – немец все-таки. Она ни о чем его не просила и действовала в соответствии с обстоятельствами. Зондерфюрер Вильгельм Гелен в свою очередь понимал, что она заслана, но не мог предположить с какой конкретно целью. Его очень интересовал этот вопрос, но он не спрашивал об этом у Кати, зная, что она не ответит.

А Катя в свою очередь носила в себе вопрос, который бы хотела задать начальнику лагеря: «Куда деваются многие военнопленные?», но так и не решалась. Чтобы знать их фамилии, имя и отчество, она предложила ему, проводить медосмотр у поступающих и практиковать его через определенное время, как она объясняла на предмет выявления чесотки, лишая, вшей и всяких инфекционных заболеваний, чтобы избежать эпидемий в лагере. Все было правдоподобно, и тут начальник лагеря ее ни в чем не заподозрил. Так просто и естественно она решила один вопрос: учет выбывающих из лагеря. Эти списки она время от времени приносила на конспиративную квартиру. Только кто куда выбывал, она не знала. А ей надо было знать и это. Она ломала голову над тем, каким образом это можно будет знать.

* * *

Туман рассеялся. Полуденное солнце пригревало землю, было тепло, и настроение от этого немного улучшилось. И тут, как это нередко бывает, в голове мелькнула интересная мысль. Интересна она была своей нереальностью и соблазнительностью. Эта мысль сразу показалась Кате невероятной, и она попыталась ее прогнать. Но мысль не хотела исчезать в небытие, она не согласна была оставаться нереализованной, и настойчиво заявляла о себе. И тогда девушка согласилась, и начала думать: «А если?» Предполагая различные варианты, тут же отметала их, как нереальные. Но мысль назойливо сверлила мозг. И думала разведчица не о том, как выполнить задание, а как встретить Костю, если он придет. Мысль, казалось, жила вне ее и в тоже время в самой ее сущности. Скорее всего, она была плодом ее желания, настойчивого непреодолимого желания увидеть любимого. Хотя она прекрасно понимала, что это почти не возможно, если только не произойдет чуда. Он – на фронте, она – в тылу. Как могут пересечься их дороги? Но он уже один раз был на фронте, а она – в тылу, и это не помешало им встретиться. Она знала, она чувствовала, что они должны встретиться, чтобы она стала гетерой, ведь она всю жизнь ждала этого и к этому готовилась.

Ей передали приказ из Центра – она должна стать любовницей начальника лагеря. Сблизившись с ним, и войдя к нему в доверие, выведывать назначение пленных: куда и в какие школы их направляют. Катю это возмутило: «Там не могут требовать от нее такой жертвы. А, если требуют, если пренебрегают ее честью, ее чувствами и свободой выбора, она вправе решать это сама. Вправе ли? – Катя оглянулась, в надежде увидеть кого-то, кто бы помог ей, ответил на мучивший ее вопрос. Но вокруг никого не было. Звезды и ночь. – Так вот, какие они разведчицы! Не чистые, принципиальные и благородные! Они должны и в постель уметь лечь к врагу! А что потом? Как она будет смотреть в глаза соотечественникам? Да, она комсомолка, верила в идеи партии и готова была за них жизнь отдать, но только в бою, честно, без оглядки. Но стать любовницей врага!? Никогда! Да, если бы она даже и согласилась и решилась, не факт, что Вильгельм пойдет на это. У них совсем другие отношения. И потом она знает, что в Москве у него есть девушка Люся, которую он очень любит. Как же быть? Что же делать? Собственно ИМ нужны сведения, и они готовы, чтобы я любой ценой, даже ценою собственного бесчестия их добывала. Просто они предложили один из вариантов. А она им не воспользуется. Может быть, все рассказать Вильгельму? Нет, это сумасшествие! Что же делать? Надо придумать, как добывать эти сведения! Надо придумать!» Так и не выработав никакого плана действий, на следующий день она просто ходила по лагерю и заглядывала во все службы, надеясь увидеть подсказку.

* * *

Многие в лагере думали совсем не так, как начальник канцелярии Отто Штраубе. Они считали Катю, невольницей, а себя завоевателями, и не просто завоевателями, а представителями высшей расы, расы господ и обращались с нею без церемоний. Ведь все на этой земле завоевано силой их оружия, и никакие другие мысли из более высокого нравственного порядка их не беспокоили. В их поведении явно прослеживалось чувство себя властителями над теми людьми, с которыми они встретились на завоеванной земле. Они знали, что в любой момент смогут с ними сделать все, что захотят, что они могут полностью распоряжаться их судьбой и это немецких солдат и офицеров возвышало в собственных глазах, придавало им какую-то особую надменность, которая позволяла им ощущать себя центром вселенной. Отто мыслил совершенно другими категориями. Он давно поглядывал на нее, но Катя своим поведением всем давала понять, что она серьезная девушка. А Отто явно стремился к сближению.

При встрече всегда угощал шоколадкой, приветливо раскланивался, иногда подвозил в город, но намекал, что готов с нею ехать хоть на край света. Он часто появлялся на ее пути, приветливо распахивал дверцу своего «опелька» и приглашал ее садиться на переднее сидение. Начальник канцелярии не злоупотреблял своим положением, не давил на Катю и не форсировал их отношения, если встречи по работе или случайные во дворе лагеря, можно было назвать отношениями, но явно симпатизировал ей. И сейчас, войдя в кабинет под предлогом санитарного осмотра помещения, она получила не только шоколадку, но и флакон духов. Отто застенчиво улыбался, протягивая флакон:

– Такой красивой девушке нельзя без духов. Аромат всегда чарует и привлекает.

– Я не стремлюсь никого к себе привлекать.

– Я знаю. И, все-таки, в те короткие наши встречи, я хочу, чтобы ты источала мой любимый аромат.

«Это ж надо – источала!» – промелькнуло в голове, и тут же обозначилась какая-то смутная, но явно многообещающая мысль. Она еще ясно не могла понять, что это, но что предвещало ей решение той проблемы, которая мучила ее последние дни. Катя растерялась, и забыла, что она должна осмотреть кабинет на наличие ползающих гадов. Она так и стояла посередине кабинета, не решаясь взять из рук немца красивый флакон. Таких флаконов она отродясь не видела. Заметив ее замешательство, Отто пояснил:

– Бери, не стесняйся. Это самые лучшие в мире духи, французские.

Он протянул флакон и попытался вложить его в Катины руки. Но Катя медленно, не решаясь его обидеть, отвела его руки от себя. Она видела, какое сумасшедшее блаженство разлилось в его взгляде, когда она прикоснулась к его рукам. Он медленно опустил голову, все еще глядя ей в глаза, и поцеловал по очереди обе руки. Это было сделано так галантно, так целомудренно, что Катя не смогла на него обидеться, обвинить его в посягательстве на ее честь, и в то же время в этом жесте она прочла его готовность пойти на любую жертву ради нее. Каким-то седьмым чувством она определила, что он и только он поможет ей. Не успела она обрадоваться своему открытию, как тут же испугалась: «А вдруг он потребует большего?! Вдруг он потребует близости?» Но в следующее мгновение поняла, что никогда ничего он от нее требовать не будет. Он благоговеет перед ней, а это значит, что всегда будет соглашаться с ее решением, с ее желанием. «Но это же подло, пользоваться таким благородным отношением. Нет, она не может ответить ему подлостью», – воспротивилась душа. Катя поставила флакон на стол:

– Я не могу принять от тебя подарок, потому что мне нечего тебе подарить.

– Я ничего не прошу взамен. Мне достаточно видеть тебя, мне достаточно того, что ты не презираешь меня, как врага. Мне достаточно видеть твои глаза, и твою улыбку на мои комплименты. Я очень хочу, чтобы ты отвечала мне на немецком. Хочешь, я буду давать тебе уроки?

– Хочу, – неожиданно для себя ответила Катя, и тут же поймала себя на мысли, что это ей даст возможность чаще бывать в его кабинете, где лежат те списки, которые ей так нужны.

– Тогда, тем более возьми духи. Я буду вдыхать их аромат, и это мне будет плата за уроки.

«Обманывать не хорошо, – твердила она себе, возвращаясь в санчасть, сжимая в руке флакончик, – но обманывать придется, хотя и очень жалко этого чистого юношу».

Дома она открыла флакончик и... замерла. Такого аромата она нигде и никогда не встречала. У нее и мамы были духи, но это были «Сирень», «Серебристый ландыш», «Белая акация», которые имели знакомые ароматы. А этот... в нем угадывался запах Востока, хотя она никогда не была на Востоке и не вдыхала восточные ароматы. Но, что-то ей подсказывало, что так загадочно-волшебно пахнет только Восток. Смешанный с цветочным коктейлем с едва уловимым веянием цитруса, он завораживал и вызывал смятение. «Это запах соблазна, – мелькнуло у нее в голове. – А, что, если в эти духи специально подмешаны вещества, которые угнетают волю, расслабляют человека, позволяют его страстям поднять разум? И ведь чистота и невинность

Отто тоже обезоруживают, и это самые главные аргументы, чтобы понравиться кому-то, завладеть расположением... надо быть с ним начеку!» Как и учила ее бабушка: по капли за ушами и одна в ложбинку на груди. В этих местах дольше сохраняется запах.

Отто, чего так боялась Катя, не посягал на ее честь, и она постепенно перестала быть сжатой и напряженной, и их уроки проходили в обстановке легкого флирта. Что же касается самой Кати, то она все больше и больше пыталась хозяйничать в его кабинете, знакомясь с его содержимым, чему Отто не препятствовал. Это необходимо было Кати для того, чтобы, наконец-то подобраться к заветным спискам. Не могла же она открыто его попросить, чтобы он ей их показал. Может быть, он бы и выполнил ее просьбу, но она не хотела его толкать на служебное преступление.

А Центр ее торопил, толкая в постель начальника лагеря. Она нервничала. Конечно же, она вслух не возмущалась его цинизмом и объясняла невыполнение задания тем, что начальник лагеря не обращает на нее внимание.

– Нет такого мужика, который бы не хотел переспать с красивой женщиной. Ты просто не хочешь. Учти – это приказ, и ты обязана его выполнить. Придумай любые там женские штучки, но соблазни его, и задание выполни, – твердил ей Петр.

– Выполню, – заверила она, уходя, не уточняя, как выполнит. То, что в Центре настаивали на том, чтобы она переспала с начальником лагеря, ее возмущало до глубины души. Не для этого она себя готовила все эти месяцы. Для нее всегда профессия разведчицы, была окружена ореолом романтики, меткой стрельбы и мужества. Спортсменка, победитель областных стрельб по мишени, она была направлена на учебу в спецшколу. Училась неистово. Хотелось побыстрее в дело, к которому готовила себя не только физически, но и нравственно.

В ходе учебы проявился ее недюжинный талант конспиратора. А самое главное ее качество – быть самой собой, быть веселой и умной собеседницей, заводилой в любых затеях, организатором пикников на природе, вечеров отдыха. Тасина смекалка и разнообразные выдумки, поражали ее руководителя майора Кочина. Наблюдая за ней, он думал: «Такая найдет выход из любого положения» и любовался ее неброской красотой и умением очаровывать. Ее внешние данные не требовали поправок, особенно глаза, излучающие все, что может дать любящая женщина. Об этом и вспомнил майор, давая ей задание на сближение с начальником лагеря. Он был уверен, что тот не устоит перед ее очарованием. Он прибегал к этому крайнему и весьма скользкому предложению, потому что сверху от него требовали результатов и грозили отослать на фронт, за неумение подготавливать результативных разведчиков.

5.

Соня Кирилюк по своей природе была доброй девочкой, смешливой и коммуникабельной. Родилась Соня на Донбассе, в городе Константиновке. Старожилы его называли любовно и величественно «Стеклоград». Ее отец работал на стекольном заводе и отливал рубиновое стекло для звезд Кремля. Кусочек этого рубина подарили стекловарам, участвовавшим в его изготовлении. Среди них был и ее отец. В семье гордились этим красным стеклышком и берегли, как самую дорогую семейную реликвию. Соня пошла породой в маму – веселую певунью. Обладая сильным и красивым голосом, пела в школьном хоре и мечтала быть певицей. 19 июля 1941 года, после окончания школы, поехали в областной город Сталино на олимпиаду художественной самодеятельности. Их хор занял первое место, но радости не было. Была подавленность от сообщения Молотова о начале войны. Война гремела далеко на западе, и все надеялись, что она не дойдет до Донбасса, но предприятия эвакуировали.

Вместе с семьей, как и многие рабочие и служащие завода «Автостекло», она эвакуировалась в Молотовскую область на станцию Чад. Не успели они обустроиться на новом месте, как пришла повестка из городского военкомата о призыве на военную службу. Комсомольские

организации и военкоматы, отбиравшие добровольцев и набиравшие по призыву, постарались послать в войска ПВО наиболее грамотных девушек. Большая часть всех прибывших имели законченное среднее или высшее образование. Этому пополнению оказались по плечу, поставленные перед ними задачи.

Девушки и женщины постигали службу в зенитной артиллерии ПВО страны. В Московском учебном центре ПВО, на курсах и в военных школах они успешно осваивали боевую технику и служили прибористками, наводчицами, пулеметчицами, связистками, командирами зенитно-пулеметных расчетов. Их служба была нелегкой. Мало было хорошо знать технику, надо было еще иметь быструю реакцию. Многое в их службе зависело от слаженности, четкости и большого мужества. Подавляющее большинство девушек стали замечательными воинами.

В 1939-ом и начале 1941-го годов создавались новые части и соединения ПВО. Устаревшая боевая техника и вооружение заменялось новыми образцами. В годы предвоенных пятилеток был заложен фундамент обороноспособности государства, благодаря развитию тяжелой индустрии и развитию науки. Это способствовало росту технической оснащенности, совершенствованию организации всех родов войск. Детально был разработан план противовоздушной обороны Москвы. Он предусматривал отражение нападения противника с любой стороны, в любое время суток и при любой погоде. Было принято во внимание и возможность разной высоты полета вражеской авиации. Вокруг Москвы была развернута сеть аэродромов, боевые порядки зенитных артиллерийских частей, которые обеспечивали круговую оборону города. Боевые действия истребительной авиации и зенитной артиллерии в ночных условиях обеспечивались световыми прожекторными полями. Каждое поле имело глубину до 35 километров. Всего вокруг Москвы было 16 таких полей. Части аэростатов воздушного заграждения предназначались для защиты центра города от пикирующих и низколетящих самолетов. Разведку несли части воздушного наблюдения, оповещения и связи с рубежа 200–250 километров от Москвы.

Корпус ПВО – это огромный и распределенный на огромной территории механизм. Управлять им немыслимо без надлежащей дисциплины и тесного взаимодействия всех его звеньев, больших и маленьких, а обеспечить это может только строжайшая централизация. Нечеткость в работе только одного из них может привести к сбою во всей системе. Особое значение в войсках противовоздушной обороны уделялось времени. Расхождение в показаниях часов даже на секунды могло нарушить согласованность действий. Поэтому с главного командного пункта с первых дней войны по телефону и радио стали передавать сигналы точного времени для всех командных пунктов, огневых позиций, постов ВНОС и других.

Под Москвой, в Дорогомиловских казармах такие же девушки, как и Соня, набранные по призыву, осваивали искусство стрельбы. Вновь прибывших бойцов обучали по ускоренной программе. Их тренировали в выполнении лишь самых необходимых приемов боевой работы. Они изучали устройства и технические характеристики пулеметов и зениток. На стрельбищах учились поражать цель. Первая короткая очередь в небо. Соню встряхнуло так, что она подпрыгнула и закрыла уши. Рядом стоящие девочки тоже стояли с прижатыми к ушам ладошками.

– Как оглушило!

– Ничего, привыкните. Это сначала так кажется, что громко, с непривычки. Потом и замечать не будете. Да, собственно он тонуть будет в общем шуме.

Вот тут то они и представили, в каком ужасе им придется работать. Стрельбы на полигоне проводились целые сутки. Отличие их подготовки заключалось в том, что необходимо было овладеть новой техникой стрельбы по быстро движущимся целям. Этим отличалась артиллерия ПВО от полевой. Здесь не было времени и возможности «взять вилку», пристреляться. Самолет был в зоне всего две-три минуты, и за это время его надо было поразить. Днем в основном пристреливались расчеты пулеметных установок. Курсанты стреляли по матерча-

тому конусу, который буксировался самолетом. После окончания стрельб экипаж самолета—буксировщика сбрасывал конус. Каждый расчет имел свой цвет пуль, и поэтому несложно было просчитать процент попадания. После каждого захода мишень превращалась в решето. Так учились девушки боевому искусству. В программу их подготовки входили и специальные стрельбы по пикирующему самолету, по снижающимся парашютистам, по штурмовикам, по наземным целям прямой наводкой и с закрытых позиций.

Жизнь в училище шла по строго намеченному распорядку. Проводились занятия по теории стрельбы, изучались уставы, шла политическая учеба. Непрерывно клацали затворы десятков орудий, поднимались в зенит и опускались пушечные стволы, сверкали на солнце гильзы учебных снарядов. Когда проводилась тренировка на слаживание, с позиции доносились доклады номеров, считывавшие величину установки трубки, гудели ревуны, звучало множество различных команд и докладов об их выполнении. Шла напряженная ускоренная учеба, ведь их ждало небо Москвы.

Соня успешно справлялась со своими обязанностями. Она зарекомендовала себя самоотверженным, умелым, выносливым и находчивым воином. Ей, мечтающей быть певицей, самой было удивительно видеть в себе эти качества, ведь она даже в мыслях не могла себе представить, что будет воевать. Но жизнь распорядилась по-своему: страна их позвала на свою защиту. Много девушек служило и в войсках ВНОС – служба воздушного наблюдения, оповещения и связи. Эта служба имела важное значение в противовоздушной обороне страны, потому что являлась первоисточником сведений о противнике. Она требовала от бойцов этих соединений не только хорошей боевой подготовки, но и отваги и мужества. Ведь им приходилось не только сообщать точные данные и наводить истребительную авиацию на врага, но и захватывать мелкие воздушные десанты и группы, проводить наземную разведку противника в районе своей позиции. Они должны были хорошо владеть винтовкой, автоматом, гранатой, чтобы в случае нападения на пост наземного неприятеля, вести оборонительные бои. Женщины и девушки заменили мужчин в прожекторных частях и в частях аэростатов воздушного заграждения. Многие кадровые офицеры не представляли себе молодых девушек на огневых позициях, в суровых условиях боевой обстановки. Они сомневались в том, что «слабый пол» сумеет в совершенстве овладеть военной премудростью, которая испокон веков была уделом мужчин. Но вопреки их желанию все больше и больше девушек заменяли мужчин, уходящих на передовую, и вопреки их сомнениям в совершенстве овладевали «премудростями». Они стали хорошими воинами и умелыми командирами. В их числе была и Соня Кирилюк, которая через год службы получила звание сержанта и была назначена командиром расчета.

После подготовки Соню направили в 22-й зенитно-пулеметный полк Западного фронта. Их девчоночий полк сражался наравне с остальными мужскими полками, и никаких скидок им не делали. Первая дислокация полка была в городе Подольске. Каждую ночь вражеские самолеты тревожили жителей города. Порой зенитки не смолкали с вечера и до утра. Город хорошо охранялся с воздуха. Тысячи зенитных батарей были установлены на чердаках и крышах домов по всему городу и в несколько колец зенитных заграждений вокруг города. Во многом помогали мощные прожекторы, которые, начиная с окраин и продвигаясь к центру, пронизывали небо яркими лучами. Рассекая ночную тьму, они ловили в свои светящиеся сети стервятника. Ускользнуть от них было невозможно. Попадая в фокус, ослепленный летчик, начинал метаться. Соня, завидев в кресте лучей самолет противника, напевала слова, которые ей бабушка декламировала в детстве: «Ах, попалась, птичка, стой, не уйдешь из клетки. Не расстанемся с тобой ни за что на свете». Особенно по несколько раз повторяла: «не расстанемся с тобой ни за что на свете» и добавляла: «пока в упор не расстреляем». Зенитки спешили сделать свое дело, и от их дружного треска раскалывался воздух. Соня со своим расчетом зенитчиц устроилась на крыше шестиэтажного дома. Зима была очень холодной. И, если от ветра

хоть как-то можно было спрятаться за корпус пулемета, то от мороза прятаться было некуда. А пулемет у них был солидный, снятый с тяжелого бомбардировщика ТБ-3.

Она уже по звуку научилась отличать «хейнкнелей» от «мессершмиттов». Они летали бомбить Москву, а ее задачей было не пропустить их к Москве. Она запомнила эту морозную ночь на всю жизнь, потому что сбила первый самолет в своей жизни. Потом их было много, но этот первый – был самой дорогой победой. По звуку определила, что летят «хейнкели». Она не растерялась. Уверенным движением дослала в патронник патрон и, упершись в наплечники, поймала самолет в перекрестье прицела. Бомбардировщик шел прямо к позиции. Еще мгновение и вражеский летчик пошлет очередь по пулеметчице, но Соня опередила его. Он, неуклюже накренившись, резко пошел вниз и врезался в землю. И тут ее оглушил крик подруг:

– Есть!

Это была первая сбитая цель, за которую она была удостоена знака «Отличный пулеметчик». Не один раз Соня видела, как дымил и падал вниз, подбитый ею, вражеский самолет. Отважная пулеметчица была награждена орденом Красной Звезды. На примере ее смелости и мастерства учились и остальные девушки. Не менее дороже ордена, были и серебряные именные часики, одна из первых наград и, если еще учесть, что она отродясь не носила часов. Школьницы часов не носили. Некоторым девочкам покупали часы только состоятельные родители и только после окончания школы. Ей тоже обещали родители купить часы, если она поступит в консерваторию. А тут – заслужила, да, еще ни какие ни будь, а серебряные. Говорили, что однажды интендант Красной армии передал Журавлеву швейцарские механизмы часов без корпусов, а местные воины умельцы изготовили для них корпуса из металла, прозрачного плексигласа и серебра. Изготовленные на войне таким необычным образом часы были по-своему уникальной вещью и были ей очень дороги. Это было вознаграждение за ее нелегкий и славный труд воина.

Самым тяжелым для нее было отсутствие нормального сна. Ей любительнице поспать, так не хватало двух часов, отведенных на сон. Она очень страдала от этого. Из-за постоянного недосыпания болела голова, краснели и слезились глаза. А это очень мешало успешной стрельбе. Редко когда удавалось поспать четыре часа в сутки, и это было роскошью.

О том, как бдительно девушки охраняли небо своей любимой Родины, говорит признание противника. Плененный немецкий ас Норман, который воевал в Африке и в Западной Европе на вопрос: «Насколько эффективен был огонь английской зенитной артиллерии под Тобруком?» ответил: «Лучше было десять раз пролететь над Тобруком, чем один раз в районе действия русских зенитных батарей, укомплектованных бойцами-девушками».⁵

А ведь девушки сражались с асами. Летный состав немецких частей, участвовавших в налетах на Москву, почти полностью состоял из офицеров. Многие из командиров экипажей, где почти каждый был удостоен наград, имели звание полковника. Они имели Железные Кресты за бомбардировку городов Западной Европы и были опьянены своими победами. Пленные, держались высокомерно, не хотели отвечать на заданные им вопросы, будучи уверенные в своей силе и быстрой победе. Но спустя два-три месяца картина изменилась. Они признавались в том, что их авиация несет большие потери от советской зенитной артиллерии. Многие самолеты настолько повреждены, что оказываются непригодными к дальнейшей эксплуатации. Эти известия окрыляли юных зенитчиц и пулеметчиц, придавали им силы, и они еще ожесточеннее расправлялись с врагом.

В сентябре Соню наградили Почетной Грамотой ЦК ВЛКСМ. Каждый успех наполнял ее сердце огромной радостью. Вскоре ей присвоили звание старшего сержанта. Ее расчет был одним из лучших. Дисциплинированная и находчивая, Соня зарекомендовала себя еще и как хороший организатор. И при всем этом являлась примером скромности и душевной теплоты.

⁵ Архив МО СССР, 2-я дивизия ВНОС, оп.169219, д. 3, л. 60–61.

Заводилой она была еще в школе. Не оставляла она своей привычки и на фронте – всегда и во всем видеть хорошее, уютно обустроить быт и все, что попадет под руку направлять себе на службу. Правда, на фронте не слишком поимпровизируешь – здесь над всем довлеет устав, но Соня умудрялась. Ее находчивость просто удивляла подруг, и они очень быстро признали в ней лидера, и выбрали комсоргом первичной ячейки.

Каждую ночь при массированных налетах вражеской авиации, командование отдавало приказ о наведении заградительного огня. Завесу заградительного огня вынуждены были применять в таких случаях потому, что не возможно было в скоротечном бою обеспечить успешное взаимодействие прожектористов и зенитчиков. Старое правило артиллеристов: «Не вижу – не стреляю!» в этой войне не работало. Появилось новое: «Не вижу, но стреляю!» Необходимо было стрелять, даже если не видишь противника, потому что цель необходимо было поражать. Отрицательной стороной заградительного огня был большой расход боеприпасов. Но зато на пути движения бомбардировщиков создавалась плотная завеса огня. Так как точное местоположение самолетов установить было трудно в дни облачности, тоже приходилось создавать завесу, охватывающую немалое пространство по фронту, в высоту и в глубину. И хотя заградительный огонь – это пассивная форма обороны, она сыграла немаловажную роль в нанесении ущерба вражеской армии, и препятствовала продвижению к цели неприятельских самолетов.

Потерпев неудачи при первых налетах, противник, менял тактику.

Одиночные вражеские самолеты и небольшие группы на большой высоте подходили к зоне зенитного огня и старались, как можно дольше находиться в этой зоне и держать зенитчиков в напряжении. Это очень утомляло и изматывало силы, и Соня больше всего не любила такие их маневры. Надо было иметь огромную выдержку, чтобы не сорваться и не выпалить «из пушки по воробьям», а «воробьи» эти были в недостижимой высоте. Вначале Соня очень нервничала, но потом научилась держать себя в руках и относиться спокойнее к таким ситуациям, но при этом не теряла бдительности.

Одним из коварных приемов врага было использование для налетов на наши объекты советских самолетов, захваченных на советских аэродромах. Зная маршруты полетов наших дальних бомбардировщиков, фашистские летчики ждали их возвращения и пристраивались в хвост. Под таким прикрытием им удавалось иногда достигать советских аэродромов. Один из таких самолетов появился над Подольском. Он летел на небольшой высоте и внезапно атаковал зенитную батарею. Нападение, конечно, было неожиданным, но соседний расчет быстро справился с шоком, изготовился и дал отпор врагу. В напряженной боевой обстановке обострялось чувство ответственности, повышалась бдительность, собранность и готовность к действию.

Применяли немецкие летчики и такой прием, который очень быстро раскусили зенитчики. Линию фронта самолеты проходили на большой высоте и, приблизившись к зоне артиллерийского огня, выключали моторы. Некоторым, планируя, удалось проскочить к окраинам города и сбросить бомбы. Потом на форсированном режиме они снова набирали высоту и уходили из опасной зоны. Конечно же, эти ухищрения заставляли воинов врасплох, и позволяли гитлеровцам добиться отдельных успехов, но это никак не отразилось на ходе боевых действий под Москвой. Но то, что немецкая авиация не достигла больших успехов под Москвой, вовсе не означало, что противник был слабым.

На всю жизнь Соне запомнился один из массированных ночных налетов вражеской авиации. Это был сплошной кошмар. Пока самолеты противника были вне зоны досягаемости зенитно-пулеметных расчетов, она только наблюдала за боем самолетов. Прожектора выхватывали из темноты детали боя. Атакующие коршунами носились в воздухе, подбитые, волоча за собой шлейф дыма и языки пламени, уходили к земле. Белыми облачками обозначались разрывы снарядов. Это было страшно. Армада направлялась прямо на Москву. Вражеские бомбардировщики шли с трех направлений. За ними с интервалом в десять минут шли четыре группы самолетов. В общей сложности в воздухе было до семидесяти бомбардировщиков. На

их пути в небо с определенной периодичностью поднимались лучи прожекторов. Того, кто попал в лучи прожекторов, сразу же атаковали советские истребители. А немецкие не только отстреливались от самолетов, но еще и пытались «погасить» прожектора. Некоторые бомбардировщики, освобождаясь от груза, ложились на обратный курс, но основная часть продолжала упорно лететь на Москву, отстреливаясь от наседавших истребителей.

В зону действия зенитной артиллерии эта группа проследовала не в таком уже строгом порядке. Зенитчики встретили непрошенных гостей стеной разрывов. Они стали метаться, как загнанные звери, отыскивая «просветы» в завесе зенитного огня, через которые можно бы было улизнуть. Но, ни одному из них не удалось уйти.

Однако расслабляться было рано. За первым эшелонам следовал второй, потом третий, четвертый. Это было не для слабонервных. «Наверное, так бывает конец света» – думала Соня. Очень хотелось зажмурить глаза, чтобы не видеть этой грохочущей несущейся прямо на нее чудовищной силы, но закрывать их было нельзя. Передние самолеты выбрасывают САБы⁶ и прокладывают ими маршрут, освещая цели, по которым надо бомбить. А Соня должна была не только поражать вражеские самолеты, но и «гасить» эти «люстры», как коротко и образно они называли светящиеся авиабомбы. Это была ночь ужаса. Соня удивлялась опыту командиров, которые так мастерски владели ситуацией и точно ориентировались, казалось, в неразберихе воздушной обстановки. Но это только казалось непосвященному взгляду. Командиры всех подразделений владели ситуацией, и каждый на своем месте четко выполнял распоряжения старших. Ими своевременно переносился огонь на наиболее опасные цели. Если бы этого не было, отразить такой массированный налет не было бы никакой возможности. Но они его отразили. Пять часов продолжался налет. Пять часов смертельной опасности, нечеловеческих усилий и... на востоке, едва посветлевшим небом, определялся восход. Соня ослабила хватку рук, потрясла ими в воздухе, чтобы снять напряжение, и повалилась наземь прямо тут, у пулемета. Но сквозь усталость и напряжение, которое все еще владело ею, проступало осознание успеха. А это окрыляло, вселяло уверенность и поднимало на более высокий пьедестал в собственных глазах. Здесь не было цветных пуль, и не возможно было подсчитать, кто, сколько поразил целей, но это была общая победа – одна на всех. Бесстрашные воины-девчонки отражали несколько яростных атак в день. В одном из документов командования 23-й немецкой армии, относящегося к тому времени было записано: «Бои наземной армии в последние два месяца потребовали использования непосредственно в наземном бою соединений тяжелых, сравнительно малоскоростных бомбардировщиков. При этом установлено, что потери в самолетах в результате обстрела с земли были исключительно велики. В одном соединении, введенном в бой для непосредственной поддержки наземных войск, количество действующих самолетов уменьшилось в результате обстрела с земли до 50 процентов. Причину этого следует искать в хорошо организованной противовоздушной обороне русских...»⁷

Это была оценка умелых и мужественных действий и солдат-девушек, служивших в ПВО. В войсках было немало девушек с Урала. Командование решило послать туда делегацию лучших воинов, чтобы рассказать родителям о службе их дочерей, завязать тесную связь с тылом. В состав делегации вошла и Соня. Вернувшись с Урала девушки-воины привезли письма и наказы матерей. В одном из них писалось: «Дочери наши любимые! Ваши посланцы девушки-бойцы рассказали нам о вашей суровой боевой жизни. Мы гордимся тем, что вы бдительно несете вахту на защите нашей великой Москвы. Вы поставлены на большой и почетный пост. Ваши дела будут записаны в летописи Отечественной войны. Народ сложит о вас песни, напишет стихи.

⁶ САБ – светящаяся авиабомба.

⁷ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 66, л. 22–23.

Родные дочери! Мы находимся в тылу. Но все наши мысли, все дела направлены к одной цели – помочь фронту. И мы, не покладая рук, помогаем доблестной Красной Армии приблизить час окончательной победы над врагом... Будьте дисциплинированными, аккуратными. Очень неприятно нам видеть девушку-бойца, которая неопрятно одета, курит, грубит. Высоко несите имя советской девушки, ее честь. Помните, счастье ваше, любовь – впереди. Они придут вместе с разгромом врага. А пока стойко переносите все трудности, выпавшие на вашу долю. Хочется вас, родные дочери, прижать к сердцу, согреть своей лаской. И это желание скоро исполнится. Час победы над врагом близок. Вы вернетесь в отчий дом, в родную, любящую вас семью».⁸

После поездки делегации в частях подтянулась дисциплина, повысилась и без того высокая исполнительность. Могли ли девушки без волнения слушать о своих матерях, братьях и сестрах, об их ударном и напряженном труде во имя победы. Каждое слово волнующих патристических предложений письма доходило до каждого сердца зенитчиц, пулеметчиц, прожектористок, аэростатчиц. Особенно счастливы были члены делегации, которым удалось повидаться с родителями. Приехала на встречу и мама Сони, прослышав о делегации. Худенькая, она была еще меньше, чем раньше.

– Мама, ты такая маленькая стала.

– Это дочка не я маленькая стала, а ты большая. Ты действительно подросла. Настоящий солдат.

– А почему ты плачешь? Работа у меня не опасная. Я служу не на передовой.

– От радости, что удалось свидеться. Кто знает, когда еще придется.

– Может быть, за хорошую службу в отпуск отпустят.

– Старайся.

Они сидели, тесно прижавшись друг к другу. Соня чувствовала тепло этого родного тела, как в детстве, когда она еще маленькой девочкой любила сидеть у мамы на руках. А теперь мама была меньше ее, и ей так хотелось взять маму на руки.

– Милая ты моя, как мне тебя не хватает там, на фронте.

Она взяла руку матери и провела себе по волосам. Мама, угадав ее желание, стала гладить по голове. Под пальцами пересыпались шелковистые волосы, такие же мягкие, как и раньше.

– Вы только кажетесь солдатами, а на самом деле... какие же вы еще дети.

– Просто нас война выхватила из детства в свои объятия, а мне так не хватает твоих. Особенно, когда я отличусь, так хочется, чтобы ты меня погладила и похвалила, как всегда это делала. Даже правительственные награды не так желанны, как твое родительское такое дорогое и теплое слово.

– Девочка моя, пулеметчица ты моя, как же я молюсь денно о ночью, чтобы Господь уберег тебя, и ты выжила в этой войне, чтобы ты живая и здоровая вернулась в нашу Константиновку.

Дни пролетели быстро, и пришла пора расставаться. Мама ничего не говорила, только плакала и смотрела такими глазами, как будто бы прощалась навсегда. Соня успокаивала маму, не понимая ее тревоги. А материнское сердце, уже чувствовало беду, уже видело черное крыло судьбы, распростершееся над ее дочерью. Слезы градом катились из ее глаз, и она ничего не могла с собой поделать. Только в самый последний момент на прощание сказала:

– Береги тебя Господь, и перекрестила так, чтобы никто не увидел.

Это странное «Береги тебя Господь», она комсомолка и атеистка, потом часто повторяла в минуты опасности и долго еще ощущала тепло маминого тела. Ей часто снился тот пирон, на котором они прощались, плачущая мама и ее слова. Но в круговерти боев, отражения налетов, она стала понемногу удаляться от переживаний тех дней. Они опускались все ниже и ниже в

⁸ Д.А. Журавлев. Огневой щит Москвы, М., Военное изд-во, 1988, с.137.

самое сокровенное и потаенное место ее души, на самое донышко. Она все реже вспоминала, так взволновавшее ее прощание и странное поведение мамы.

А в стране с севера до юга шли бои. Через многие области России и Украины проходила передовая линия фронта. К ней были прикованы взгляды и внимание всей страны. Советские люди трудились с огромным напряжением сил, чтобы доставлять фронту все необходимое. Там ведь сражались их отцы, мужья, братья и сыновья. И не только сражались, но и гибли. Их надо было снабдить оружием, накормить, напоить, одеть. Война была в разгаре. Каждый день газеты и радио сообщали о стойкости и героизме наших бойцов и командиров.

Отважно действовала в ночных и дневных боях пулеметчица Соня. Ее огонь мешал противнику вести прицельное бомбометание, пикировать на охраняемые объекты. Ни один бомбардировщик был сбит ее меткими очередями. Авиация противника продолжала натиск на столицу. Каждую ночь на внешнем рубеже наблюдательных постов появлялись немецкие самолеты и волнами шли в сторону Москвы. Налеты длились по пять-шесть часов. Только к двум-трем часам ночи давался отбой воздушной тревоги. Все налеты в основном проводились ночью. Противник летал с удаленных аэродромов и не мог обеспечить сопровождение. А без прикрытия истребителями они не решались появляться днем в зоне действия советской авиации. Кроме того, противник выбирал самые темные с плотной облачностью ночи. Это затрудняло действия защитников воздушного пространства вокруг столицы. Ведение прицельного огня ночью предусматривалось только по освещенным целям. Но обеспечить успешное взаимодействие прожектористов и зенитчиков было сложно. Это не один раз испытывала Соня. В бою не так-то легко держать вражеский самолет в луче прожектора. Только нацеливалась она, а враг ускользал и в прицеле опять темнота. Не менее трудно было и днем при сильной облачности. Все это требовало огромного напряжения сил и быстрых действий. Необходимо было в избранной для встречи с противником зоне обеспечить несколько разрывов снарядов, чтобы один из них настиг цель. Соне так хотелось стать мастером точного огня, и она старалась достигать хороших результатов. Как только появлялся противник, она с азартом открывала стрельбу. Но это была не беспорядочная стрельба. С каким упоением она скользила за своей жертвой, пытаясь снарядом упредить появление вражеского самолета в выбранной точке. И какая же безудержная волна радости накрывала ее в те моменты, когда снаряд встречался с целью. Это была игра... и это была война.

В одну из особенно темных ночей группа фашистских бомбардировщиков пыталась прорваться к Москве. Но плотный заградительный огонь зенитчиков расстроил их строй. Тогда один из самолетов, определив по вспышкам местоположение батареи, ринулся на нее. Он решил подавить огонь бомбовым ударом. При первом заходе все бомбы упали рядом, не причинив зенитчикам вреда. Он пошел на второй заход и пикировал уже с выключенным мотором, но Соня каким-то шестым чувством определяла его местоположение, и один из снарядов таки настиг его. Он так и не успел выйти из пике, и рухнул на землю.

В один из налетов на их огневую позицию надели фашисты, засыпав их зажигательными бомбами. Вокруг все горело. Трещали доски близлежащих строений, шипели ветки кустов и деревьев, вспыхивала веером и дымила трава. Казалось, что и сама земля полыхала от раскаленного магниевого сплава. Но пулеметчики не дрогнули и продолжали вести стрельбу. Они не оставили позицию, не укрылись от огня, а вели с ним борьбу. Одна бомба упала совсем рядом с ними и демаскировала их позицию, потому что и на земле продолжала ярко освещать пространство. Она шипела и брызгала во все стороны раскаленным магниевым сплавом. Не потерявшись, Соня сняла сапоги, надела их на руки и откатила это неуместное светило подальше от позиции, получив при этом незначительные ожоги рук, которые быстро зажили.

Немецкая авиация продолжала натиск на Москву. Она была не только столицей государства, но и городом, к которому с надеждой устремлялись взоры всего прогрессивного человечества. Немецким самолетам обязательно надо было отбомбиться над городом, чтобы показать

всему миру свою силу. Но им это не удавалось, несмотря на то, что чуть ли не каждый день шли эшелонами в общей сложности до полутора сотен машин. Злился Гитлер, злились генералы. Ни одна армада люфтваффе не подошла к городу, лишь одиночки смогли достичь его окраин, не нанеся, сколько нибудь существенного урона. Соня понимала, что она маленькая частичка того большого механизма, который стоит на страже столицы, но она грудью была готова в любую минуту заслонить ее от врага. В нагрудном кармане гимнастерки она носила вырезку из газеты со словами всенародного старосты Михаила Ивановича Калинина: «Охраняйте Москву, как зеницу ока. Защита нашей столицы в этой войне имеет огромное международное политическое значение. Бейте врага так, чтобы все воины ПВО страны брали с вас пример».⁹

И еще одна вырезка из газеты лежала в ее нагрудном кармане. «Миф о непобедимости немцев в воздухе давно развеян. Провалился план людоеда Гитлера уничтожить Москву с воздуха – чудовищный и бредовый замысел, о котором фашисты в свое время трубили на весь мир... Мы не переоцениваем опасности, угрожающей нам с воздуха, но и не должны преуменьшать ее, даже в малейшей мере. Какая-то бы ни было самоуспокоенность в этом отношении преступна. До той поры, пока противник имеет боевые самолеты, у нас нет и быть не может абсолютной, полной гарантии от воздушного нападения. Поэтому призыв «Помни воздух!» должен звучать в наших рядах непрерывно, с неослабной силой».¹⁰

Соня всегда помнила этот призыв. Она с ним спала и с ним бодрствовала в дни боев, и в дни временного затишья. Эта формула бдительности, родившись в войсках Московской противовоздушной обороны, разошлась по всем войскам ПВО.

Противник проиграл свое сражение в воздухе с Московской противовоздушной обороной. Командование германских ВВС отказалось от тактики давления и перешло к тактике «беспокоящих» налетов. Совсем прекратить попытки прорваться к Москве противник не мог, потому что бы это выглядело, как признание своего поражения в глазах мирового сообщества. Методическими же налетами они еще и преследовали цель влияния на психику людей. Они хотели морально подавить москвичей и сломать их волю к сопротивлению. Но у них и это не получилось. Редкие самолеты долетали лишь до окраин города, и зачастую сбрасывали бомбы на ложные объекты. Москвичи даже в дни самых напряженных боев на подступах к Москве не покидали своих рабочих мест. Работали фабрики и заводы, метро и лечебные учреждения, транспорт, коммунальное хозяйство. Предприятия перешли на выпуск продукции, необходимой для нужд обороны. В городе организовали ремонтные мастерские, которые обслуживали технику с фронтов. Это было огромным вкладом в укрепление боеспособности войск, защищавших столицу.

В район Клязьминского водохранилища танковой части противника удалось прорвать оборону. Туда срочно были переброшены семь батарей из состава группы, в которой служила Соня. В их задачу входило закрыть брешь и задержать наступление врага. В напряженном бою зенитчики и пулеметчики уничтожили 8 танков и не допустили врага к мосту через водохранилище.

Когда стал намечаться прорыв противника к Москве с северо-западного направления, командование ПВО в помощь наземным войскам выделило опять группу. В эту группу входили сводный артиллерийский дивизион в составе пяти зенитных батарей и пяти зенитно-пулеметных установок. Действуя вместе со стрелковыми и кавалерийской дивизиями, а также с двумя танковыми бригадами, они прилагали все усилия, чтобы не допустить прорыв противника. Части 6-ой и 7-ой танковых дивизий гитлеровцев, нанося сильные удары, рвались к Москве, пытаясь обойти ее с севера. На этом направлении развернулись ожесточенные бои.

⁹ Газета «Тревога», 1941, 28 июля.

¹⁰ Газета «Красная звезда», 12 февраля 1942 г.

В результате внезапного прорыва вражеской механизированной колонны в тыл наших войск, некоторые стрелковые подразделения, в том числе и группа ПВО оказалась в окружении. Противник стремился расчлнить окруженную группировку. В бой было брошено большое число танков с десантом автоматчиков.

После первого танкового сражения, Соне было не привыкать к сложной и страшной наземной боевой обстановке, но то, что происходило здесь, можно было назвать кошмаром в миллиардной степени. Это была преисподняя, в огненной лаве которой, огрызаясь и рыча, боролись две силы – добро и зло.

Сосредоточив большие силы, враг атаковал зенитчиков, обстреливая их из минометов и пулеметов. В расчетах двух орудий, находившихся на основном направлении, оставалось все меньше и меньше людей. Вот замолчал один пулемет. Все реже и реже слышались выстрелы второго. Командир взвода стал подбираться к орудийному окопу, но почти у цели, его настигла вражеская пуля. Тогда Соня, выйдя из ячейки, и пробежав, встала к прицелу замолкшего орудия. По ее команде несколько раненых бойцов стали подавать ей снаряды. Немецкая атака была сорвана. Враг отступил, но было ясно, что он не отказался от своего намерения прорваться сквозь огневой заслон. С фланга появилась большая группа автоматчиков. Нужно было соседним орудиям показать направление цели. И, тогда Соня, разгоряченная боем и понимая, если этого никто не сделает, то их сейчас сомнут немецкие автоматчики, встала на бруствер и крикнула: «Берите влево!» и тут же упала, подкошенная автоматной очередью. Эти ее слова помогли отбить атаку, и зенитчикам удалось прорваться к своим. Громоздкие, мало приспособленные к транспортировке по бездорожью зенитные пушки пришлось оставить в лесу. Соню тоже не успели похоронить в спешке прорыва. Ее посмертно наградили орденом Красной Звезды. Матери на Урал послали похоронное извещение, газету с заметкой о ее подвиге и орден. Неделию плакала бедная женщина и умерла, не перенеся такого горя.

6.

В тот дом, который Косте указали, он не пошел, потому что в нем квартировали немцы. Пару дней он наблюдал за домом и двором, но мужчина во дворе не появлялся. Те, кто обитал в этом доме, то выходили, то входили, но это были дети, женщина и немцы. Ему ничего не оставалось, как уйти из поселка, и продолжать дальше свой путь на восток, скрываясь в лесу, пока еще есть такая возможность. Лес встретил его сдержанным ропотом, недовольный тем, что ходят здесь всякие без дела. Под легким дыханием ветра осыпалась пестрая листва, раскрашенная в огненные краски наступающей осени. В дубраве, куда он попал, хрустели под ногами глянцевые, словно отполированные, желуди.

Чуть дальше голубел можжевельник, с черными сморщенными ягодами, краснел шиповник вперемешку с россыпями черных ягод бузины. Природа ткала свое прекрасное ярко расцвеченное панно, готовя пищу тем, кто населял землю. Костя подумал о том, что в этот года природная пища нужна не только животным, но и солдатам, таким же скитальцам, как он.

Можно насытиться ягодами, орехами. Орехов здесь было вдоволь. Только не ленись, смотри вверх и выбирай самые тучные ветки, усеянные звездчатыми гроздьями. Нагибай к земле тугие ветки, и созревшие, смуглые орехи сами выпадут из своих гнездышек. По мере того, как он продвигался, лес редел, становился прозрачнее, легче, светлее, словно ничего больше не хотел таить от пришельцев. В воздухе летала серебристая паутина, сверкая в лучах солнца, пробивающихся сквозь толщу шатра густых крон. Он шел наугад, рассеяно глядя под ноги и размышляя над тем, кто он теперь есть и как скоро сможет добраться до своих. Оборвалась путеводная ниточка, по которой его послала Катя – его оберег. Одно дело попасть к своим с проводниками от подполья, а он, конечно, догадался, что Катя одна из них, другое дело...

а другое дело, вообще, неизвестно как, да и доберется ли. Его наверняка считают погибшим, поэтому надо побыстрее заявить о себе, пока еще в штабе не успели послать маме похоронку.

Вскоре лес начал наполняться звуками. Доносившийся издалека из зарослей кустарника шелест, постепенно перерос в хруст ломающихся веток. Стало ясно, что там несколько человек идут напролом, не пытаясь скрыть свое передвижение. Так могут идти здесь, в тылу только немцы. Так как вокруг было полуголое пространство и заросли были только там, куда он направлялся, и откуда сейчас доносились звуки, обнаруживающие вражеское присутствие, ему ничего не осталось сделать, как только влезть на высокую сосну, среди ветвей которой он надеялся спрятаться. Взобравшись на дерево, Костя устало потер глаза и осмотрелся. Он попытался собраться с мыслями, поскольку пока он карабкался вверх по скользкому стволу, его единственной мыслью было – преодолеть эту высоту. Действительно несколько ярусов соснового шатра скрывали его от неожиданных встречных, но долго ли он сможет сидеть неподвижно и оставаться незамеченным? Он, осторожно раздвинув ветки, сокрушенно покачал головой. Трое немцев расположились на отдых в пределах просматриваемого и прослушиваемого пространства. Если только хоть одна веточка упадет с сосны, он будет обнаружен. Но немцы отдыхали не долго. Посидев и поговорив о чем-то своем, они ушли. Костя спустился с сосны, и продолжил свой путь на восток.

Он уже третий день бродил по лесу в одиночестве, и успел немного одичать за это время. Повстречав бойцов какой-то части, выходявшей из окружения, он так искренне обрадовался, что бросился обнимать их со словами:

– Братцы, мои дорогие... братцы, как же я рад, как же я рад.

Но его встретили совсем не радостные возгласы и взгляды, а настороженные, недоверчивые. Он сначала обиделся такой встрече, а потом простил: «мало ли кто сейчас по лесу шляется?!» Но, главное, что он был у своих. Вместе легче, вместе они прорвутся к нашим. Его повели к старшему, который оказался младшим лейтенантом. Он не очень поверил рассказу черноморского матроса, и продолжал допрашивать, задавая одни и те же вопросы по несколько раз. Наконец, он отпустил его, разрешив присоединиться:

– Ладно, иди пока, а там посмотрим.

Ночью шли, днем спали. Дежурившие сменялись каждые полчаса, чтобы быстро овладевающая ими в лесной тишине скука, не успевала отразиться на их бдительности в худшую сторону. Они почти неделю блуждали по лесу, выдерживая восточное направление и, наконец, вышли к деревне. В ней были немцы. Преодолев смертельный марш-бросок те, кто уцелел, вышли к своим. Но им тут не были рады. Константин не удивился не радушному приему, ибо у него уже был опыт, но такого он не ожидал.

Почти два месяца его держали под стражей, ежедневно допрашивая. Его и других таких же, кто пришел с «той стороны» долго везли на грузовых автомашинах даже не покрытых брезентом. За дорогу они успели промокнуть под дождем, высушиться на солнце и теперь обжигали подвал наполовину разрушенного дома. Их проверяли, издевались над ними, умаляя их человеческое достоинство. После каждого допроса Константин приходил опустошенным нравственно и физически. «Как же можно человека вот так втаптывать в грязь, превращать его в червя пресмыкающегося?» – мучил его вопрос. Он ни в чем себя не считал виноватым и не принимал гнусные и обидные обвинения, упорно отрицая все выпады следователя. Его упорное отрицание всех обвинений, злило следователей, а его допрашивал уже третий. Каждый новый начинал «за здоровье», то есть лил елей на душу, а заканчивал – «за упокой» – угрозами расстрела немецкого холуя. Как-то охранник, доставляя его к следователю, сказал: «Ну, и орешек ты! Уже никого здесь нет из тех, кто с тобой прибыл. Одни под расстрел пошли, других в штрафбат отправили, а с тобой еще чего-то возьтятся». Он и сам не знал, чего с ним «возьтятся». Когда оскорбления и унижения пробирали до самой глубины души, и становились невыносимыми, он решал, что в следующий раз, он бросится на следователя, заработав пулю в лоб, и

прекратит все эти издевательства. Но всякий раз, когда по ночам без сна он обдумывал до мелочей, свой безумный поступок, разрабатывая план конкретных действий, перед ним вставало лицо Кати, ее необыкновенно красивые карие глаза и черные, как смоль, густые, загнутые кверху ресницы. Словно опахала они раскрывались, когда при разговоре она смотрела ему прямо в глаза. От них на глаза ложились тени, стоило ей чуть приспустить веки, и тогда казалось, что они спрятали ее взгляд, затаили в нем загадку, какую-то тайну, которую ему пока не надо знать. В такие минуты он твердо верил, что разгадает эту загадку, доберется до тайны, которую Катя пытается спрятать от него. Он так хотел разгадать ее. И он понимал, что это не самый подходящий вариант – сдать на полпути, так ничего им и не доказав. Не доказав, что он патриот, а не предатель. Если он напросится на пулю, он никогда больше не увидит Катю, которая так прочно поселилась в его сердце. И потом, он столько вытерпел в лесу. У него хватало мужества сдерживать себя, чтобы не получить пулю от окруженцев, а теперь подставиться под энкэвдэшную и уйти, так и не доказав своей правоты, опозорив свою фамилию и весь черноморский флот. А, главное, он не выполнит обещание, данное Кати, не придет к ней после войны. И он призывал все свое мужество, и готовился к каждому допросу, будучи готовым, отразить все их выпады и провокации, не сорваться и не помочь следователю избавиться от него. А каждый из троих этого очень хотел. Видимо и меняли их поэтому. И приходил следующий, потому что этого не смог сделать предыдущий. Он изматывал их своим упрямством и нежеланием отвечать на заданные вопросы так, как они того хотели. А вопросы были все время одни и те же: «От кого получал задания? С кем встречался за линией фронта? Кто та женщина, что помогла ему? Как ее звать? Где живет? Кто помог ему перебраться через Днепр? Как зовут?» Эти вопросы задавались в прямом и обратном порядке, а иногда вразброс, видимо надеясь на то, что он запутается, ответит на этот раз не так, как в прошлый. Он ведь действительно не знал ни названия поселка, в котором жила Катя, ни улицы. Он не знал имени проводника, который его перевез через Днепр. Они называли друг друга «Брат». Тогда это было не важно. Тогда важно было выжить и не попасться на глаза немцам. Эти вопросы следователи расставляли как сети, чтобы поймать его на формулировке, не совпадающей с предыдущей. И так день за днем, два месяца. В чем они пытались его уличить? От этого можно было сойти с ума, но нельзя. Он должен выжить и вернуться к Кате. Он ей обещал. Казалось, конца не будет этому: «кто? где? когда? как?», но однажды его повели на второй этаж, а там сидело начальство. Костя приготовил себя ко всяким неожиданностям, но то, что он увидел, превзошло все ожидания и ошеломило. Ему показали фотографию Кати.

– Эта женщина вас освободила?

Он потянулся за фотокарточкой, взял ее в руки. На него смотрели приветливые Катины глаза, как будто подталкивающие его к признанию. Но он не мог, ведь он пообещал ей никогда, ни при каких обстоятельствах не называть ее имени. Но офицер понял, что он знает эту женщину и не просто знает, он ее любит, и еще больше уверился в благородстве и стойкости сержанта Первых.

– Ну, вот, а вы молчали. Это же наша Катя. А вы молодец и характер у вас чекистский. Побольше бы в наших рядах было таких стойких товарищей.

Костя заметил, что он уже не гражданин, а товарищ. Он так и не произнес имя, а в ответ на рассуждения офицера, только пожал плечами.

В конце декабря он попал в действующую армию. Его направили в разведку. Разведчики приняли сдержанно и дали понять, что разведчик, человек особой закваски и отношения здесь другие. Здесь больше думают об общем деле, о задаче, которую необходимо выполнить, а не о собственных жизнях и интересах. Здесь ценится готовность пожертвовать собой ради выполнения задания, ценится чувство локтя и личное мужество. И, если он уверен в себе и готов к такой службе, то они примут его. Людям, которым часто только в паре приходится сражаться с противником, очень важно знать, кто рядом с тобой. Не подведет ли его напарник, не струсит

ли в последнюю минуту, не дрогнет ли у него рука от нервного перенапряжения и не даст ли ружье осечку. Очень важно быть уверенным в том, кто идет рядом с тобой. Отсюда и пошли крылатые слова: «Я с ним в разведку не пойду» или наоборот: «С ним и в разведку можно пойти». Его довольно долго приучали к разведывательной работе. Немало дней он пролежал, выдвинувшись за передний край, в, так называемом, «секрете», ведя круглосуточное наблюдение за противником. Он учился все замечать и записывать. Потом брали в группы прикрытия. Так у него вырабатывался навык разведчика, и продолжал вырабатываться в ползании по болотам и по полям. Помокнув под дождем и снегом, попотев под солнцем и отточив солдатскую сноровку, Костя стал заправским разведчиком.

Но он даже представить себе не мог, что долго еще, подготавливая группу к заданию, особист инструктировал одного из своих доверенных, чтобы тот ни на шаг не отставал от Первых, и в случае его перехода к немцам, убил не колеблясь. Этого Костя не знал, но, каждый раз, уходя на задание, ловил на себе тревожный и испытывающий взгляд офицера из СМЕРШа, и ему становилось не по себе. А, когда не получалось встретиться с ним глазами, он спиной ощущал это его недоверие и тревогу. «Почему? – спрашивал он себя, – ведь все стало на свои места. Неужели можно вот так не доверять человеку и в каждом видеть предателя?»

В первое же задание, Костя привел «языка», а было это так. К этой операции готовились очень серьезно. В стороне от КП полка соорудили макет немецкого дзота с траншеями. Такие траншеи опоясывают дзоты. На этом макете группа начала свои тренировки. Надо было научиться быстро и без шума подползать к дзоту и забрасывать в амбразуру гранаты. Подготовка продолжалась неделю, а операция должна была пройти за минуты. В летнее время ночи очень короткие и в этот короткий период темноты необходимо было успеть все сделать. Здесь темнело только около полуночи, а через двойку-тройку часов – светало. Чтобы успеть, вышли в половине первого ночи. На том участке, где должна была проходить их операция, располагалось три дзота. Они находились на таком расстоянии друг от друга, что в случае необходимости могли своим огнем прикрыть соседние дзоты. Каждый из них имел довольно большой обзор. Это усложняло задачу, но не делало ее невыполнимой. А для разведчиков, вообще, не было невыполнимых задач, на то они и разведчики, хотя к дзотам подобраться не замеченными было почти невозможно. Но...средний из трех дзотов располагался на пригорке. К нему вела небольшая лощина. На эту лощину они и возлагали свои надежды. Она подходила прямо к траншее, которая с трех сторон окаймляла дзот. Их задачей было по этой траншее зайти в тыл, откуда немцы не могли ожидать нападения. Все разведчики были разделены на три группы: две группы прикрытия и третья группа захвата. Костя вошел в группу захвата, которая состояла из трех человек: командир, Костя и солдат Храмов.

Чтобы немцы не заметили разведчиков, пробирающихся по лощине, был продуман и предпринят артиллерийский удар, как отвлекающий маневр. И, действительно немцам было не до лощины, и разведчики подошли к траншее и запрыгнули в нее. Но ползти под прикрытием огневого вала было с одной стороны безопасно, потому что он их прикрывал от немцев, а с другой стороны страшно. Ошибись артиллеристы, и осколки накроют их. Но наши не ошиблись. Открыв непрерывный огонь, они отвлекли внимание немцев. Костя полз, прижимаясь к земле так тесно, как это только возможно. По каске барабанили сухие комья земли, оторванные от материнского тела и поднятые на воздух взрывами. Белая ракета, выпущенная командиром, возвещала артиллеристам о прекращении огня. До дзота оставалась сотня метров. Группа захвата бросилась к входу в дзот. В амбразуру полетела первая граната, за ней – вторая. Но сверху дзота раздалась автоматная очередь. Оказалось, что этот дзот двухэтажный. Из амбразур второго этажа немецкие автоматчики опрокинули на них ливень пуль. Командир скомандовал всем прижаться к стене дзота. Таким образом, они попали в непростреливаемое пространство.

Командир выхватил у Кости автомат, сунув в руки свой пистолет, и скомандовал: «Бросай гранаты!», а сам, отскочив за кочку, стал стрелять по автоматчикам. Костя передал пистолет Храмову и, изловчившись, забросил гранату в амбразуру второго этажа, а противотанковую в дверь. Из нее показались трое немцев с белым платком. Первого, с окровавленными руками, взял Костя. Остальных распределили между командиром и Храмовым. Командиру – огромный сивый мерин, а раненый в ногу – Храмову. Решили вести всех трех. Бойцы с языками беззвучно растворились в темноте. Чуть отойдя от дзота, Костя вспомнил, что автомат у него взял командир, пистолет он отдал Храмову, когда бросал гранаты и сам остался без оружия. Только лимонки висели на поясе. От этой мысли все внутри похолодело. На войне оказаться без оружия страшно. «Но гранаты – тоже оружие, – успокоил себя Костя, если что, подорву гранатами и себя, и врага». Приняв решение, успокоился и повел пленного дальше. Но тут вдруг настойчиво, захлеб заговорили немецкие минометы. Видно из соседних дзотов, услышав возню, сообщили о нападении противника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.